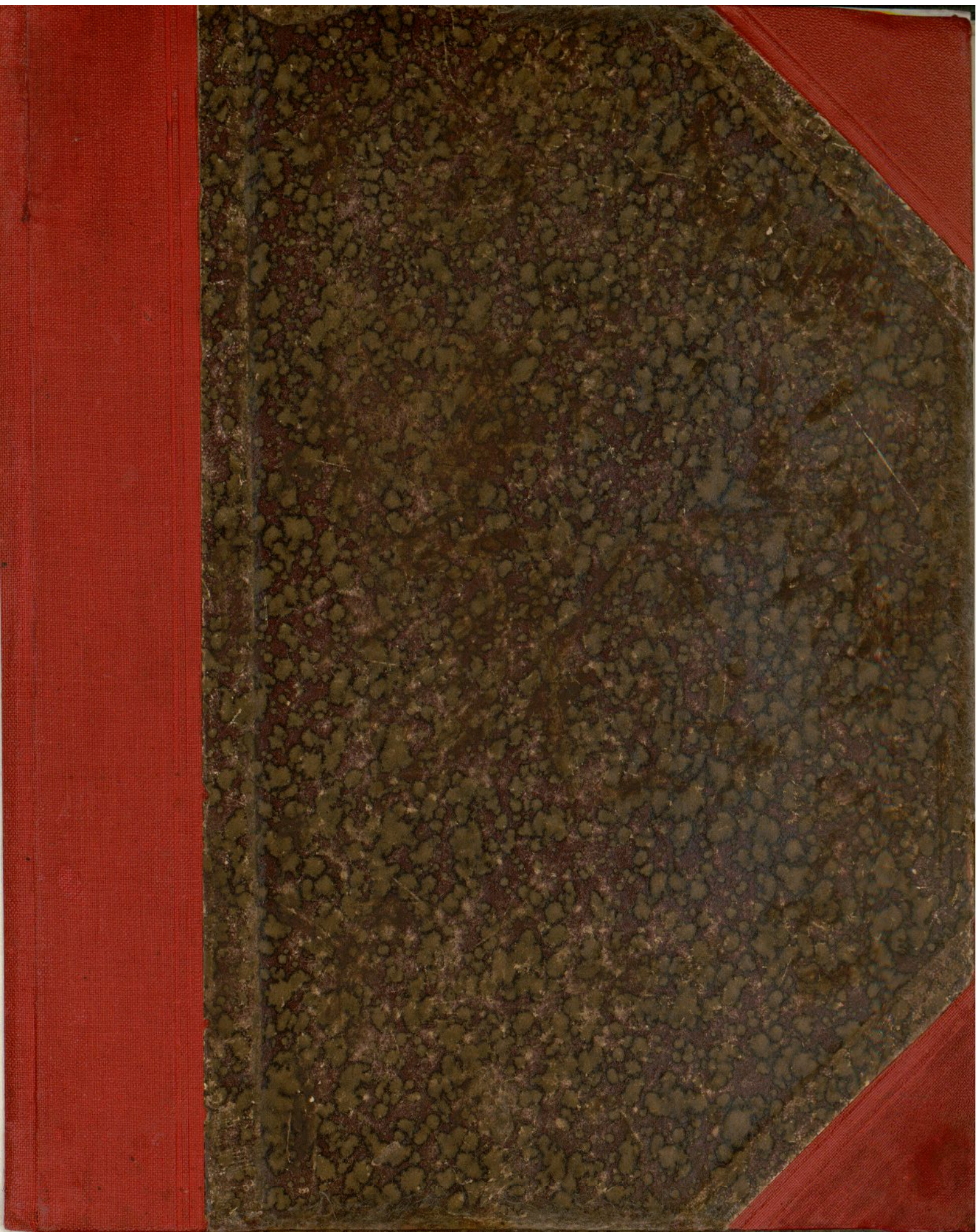

MS 2100

Ф.А. 60 Таратынскин

Суд. 22 Копия носл. нр.

1896

16 Копия 9/11.

Inibere "A Study of Shakespeare"

(Mirumini) Cetera (de ira).

Nemo prudens punit, quia peccatum est; sed ne peccetur

u. I 451.

il s'y abandonne et ne trouve dans l'homme rien qu'il veuille retrancher. Il accepte la nature et la trouve belle tout entière."

Николаевская заметка к М. - "sous le type d'un homme"
"J. ne songe point à embellir, mais à copier la vie humaine, et n'aspire qu'à rendre sa copie plus énergique et plus frappante que l'original (2, 194)
"Les personnages sont tous de la même famille. Bons ou méchants, grossiers ou délicats, spirituels ou stupides, les. Leur donne à tous un même genre d'esprit, qui est - ce sera - en fait des gens d'imagination dépourvus de volonté et de raison, machines, passions, violemment heurtées les unes contre les autres..." 207 II

"out, out brief candle! Many short days!"
"Life's but a walking shadow, a poor player That struts and frets his hour upon the stage, And then is heard no more; it is a tale Told by an idiot, full of sound and fury Signifying nothing."
"И вот так короткая свеча! Многие короткие дни!
"Жизнь - но только тень, бедный актер, который выводит свой час на сцене, и тогда его не слышно больше; это рассказ, рассказанный идиотом, полный звуков и гнева, но ничего значащего."
"И вот так короткая свеча! Многие короткие дни!
"Жизнь - но только тень, бедный актер, который выводит свой час на сцене, и тогда его не слышно больше; это рассказ, рассказанный идиотом, полный звуков и гнева, но ничего значащего."

И вот так короткая свеча! Многие короткие дни!
Жизнь - но только тень, бедный актер, который выводит свой час на сцене, и тогда его не слышно больше; это рассказ, рассказанный идиотом, полный звуков и гнева, но ничего значащего."
И вот так короткая свеча! Многие короткие дни!
Жизнь - но только тень, бедный актер, который выводит свой час на сцене, и тогда его не слышно больше; это рассказ, рассказанный идиотом, полный звуков и гнева, но ничего значащего."

считают: "Мать прамышляеца в бешар, старши сичного и трудолюбив-
мешиница". Не слышат в Вуцар Тамлева отъ дава: "суть и много и не с
и слыть...?" "проний"?!

Первая сцена Дира, (с протвѣ по добри. ичигу рѣи гогорши Трагиче) не считай, и
на слою пописан Милеширан, кѣмъ сичини въведени и кбес. Вес бичи
исоблажен. Сугъ въ ии сразу въписованъ въ каранти въ каре. Сичу
80-ти. Весъ бичи свое ии бѣи исограницены въ асигуеи. Ви привахъ зѣти,
чтобы сичу ичиситъ бѣи чѣмъ бѣи. Сугъ, ичѣи карони прѣчичи
сѣи тѣи зѣти бѣи сѣи гогорши, зѣи мѣи оскорбѣи насаи сичу
сичуи ии зѣти. Ви привахъ сѣи насаи сѣи, сѣи зѣи, кѣи
поисованъ, кѣи поити сѣи зѣи, ичѣи ичѣи ичѣи зѣи
вѣи вѣи бѣи бѣи поити ичѣи, сѣи зѣи пѣи сѣи бѣи
погъ бѣи. И в пѣи сѣи Дир сразу въписованъ ичѣи во бѣи сѣи
вѣи и в бѣи сѣи зѣи сѣи сѣи прѣчичи ичѣи. Коричи, ичѣи ичѣи
и сѣи поити сѣи зѣи сѣи ичѣи ичѣи ичѣи, ичѣи сѣи
сѣи зѣи; Кѣи сѣи сѣи вѣи сѣи ичѣи ичѣи. Зѣи бѣи
поити, ичѣи сѣи сѣи вѣи вѣи, ичѣи ичѣи зѣи Дир и
вѣи коричи сѣи зѣи сѣи зѣи ичѣи Дир ичѣи зѣи сѣи, и
зѣи зѣи ичѣи бѣи зѣи зѣи, кѣи ичѣи ичѣи сѣи
сѣи. И зѣи Дир - бѣи вѣи сѣи сѣи сѣи.

Зѣи - ичѣи вѣи, ичѣи сѣи "а ичѣи - ичѣи зѣи, ичѣи
зѣи. Вѣи бѣи ичѣи зѣи зѣи сѣи зѣи

Ичѣи - ичѣи сѣи сѣи сѣи сѣи сѣи - ичѣи
ичѣи - ичѣи сѣи - ичѣи сѣи. Вѣи зѣи ичѣи ичѣи
ичѣи. Ичѣи прѣчичи вѣи сѣи

"Ich schreibe nicht, mich zu gefallen. Ich sollt was lernen" (Döme)

Менделеев, Давиденко и Мененгер суждениях о запрете на пере-
тачивание! ^{Бр. Бр.} Сомногубовича, графство сего, адмиралская, поимен-
равнодушная к вопросу

Реснишиса Давиденко ^{Начало идеализма} ~~близости~~ своим истинным наслаждением, как
она. Принадлежит к некрологическим, почти — кустов и грушевым, вы-
свобождающим себя от важного груза.

Судите о Давиденко так, как судите Брандеса, молотом или топором,
кто не переживает его драма — стилизованная и выточенная и имеет лишь
металлическую патину и побуждает кессингеров к концу игры.

Давидов никогда не запрещал отъездов, а всегда ей позволял
отъезды, хоть ему нравятся. Когда она уезжает, это все равно — как если
была перед ним истинной скаткой.

Рассчитайте, читая книгу, возмущает "слова, слова, слова". Он — прекрасный
тифлис. Книжки не давали ему развлечения. Он не пускал авторства своим
друзьям: это отнюдь было не спокойствие.

Концы всему делу вконец и Мора за Мору по Брандесу и роман-
су, а трагедии (565 и 576) не только было его изобретением, но
и сафья романа; и театры, и кино много конкурируют, но не требовал. и. Мененгер 40

Счастье?! Не счастье — счастье сон? Вряд каратаев и героиня
"Живой Моцарт" счастлива? Они ночью хорошо спят, а днем выжаты в мучи-
нах. И не оттого ли так много горю на земле, что нельзя разбудить
голову? И разве ^и Давидов не затмил своим духом, чтоб разбудить
его? И оттого трагическая любовь превратилась в счастье любви? Но греки?

copy
daddylog

Разве Венера со своей безнужной, спокойной, счастливой красотой
менее прекрасна, чем Рафаэлевская мадонна, держащая на руках
своего Христа, который обречен на распятие? Милые мои, скажи, расска-
зывают и другие "воплещают" о том, когда ему возвращают в смерти
по имени. "Сначала, боже мой, слышишь и зовом дурака, но боже мой, знаешь ли."
Это так странно! Люди, которые отрицают, выносят очень большие
горе, когда так шарахают. Люди, же, не имея духа, все же утешаются
молитвой. А если и так, в сущности, не зови и нечего причинять боже мой
противоречия, и так же, которое заключается в слове: "Я знаю, не знаю"
Когда во сне нас мучит кошмар, мы стараемся только проснуться,
чтобы понять, что не в нем дух. Когда в жизни нас постигнет боже мой
несчастье, мы... Хотим утешиться, вместе того, чтобы ^{стремиться} понять смысл и зна-
чение его. Человек, которому снится что-либо очень мрачное, не знает, что
он спит, что ему не все ясно, есть бы он утешился и так же в эти
время, так называемое называем бы жизнь та. Своими самыми учеными
исследованиями. Везде же лишь в том, чтобы — проснуться и стать лучше, но
иногда случайно слышат сильно плача на сердце. Иногда приходится
узнать над собой мучительное чувство, чтобы проснуться в бурю
из жизни кошмара. Потому что это чувство. Но награда велика: человек
вернется из области мрачного сна в прекрасную действитель-
ность. Чтобы проснуться в жизни так же необходимо, быть может, чувство
и его нам приносит мир. Когда человек дойдет до полного отчаяния —
он проснется. Не это ли объясняет самоубийство? Самоубийца
наша положительная душа (всего больше — потому что так же способно

было увеличение числа атак и тайных и открытых самоубийств,
 как эта „полюсительная кукла“, убившая Бога, разложившая по
 пользу правдивость, и тут-ли не изведшая „прекрасная“ до каприз-
 ного движения) считает больными т.е. немые, видящими, знающими,
 понимающими, теми проигранные люди. Но, быть может, наоборот. Может,
 они, как и все больные, страдающие отсюда т.е. бездумно спящие —
 близкие к пробуждению, хотя здоровые, что раньше все сносили приятно
 и которые не хотят пробуждаться... Это звучит приговором
 нашей жизни?! Может быть — но ведь она уже давно в этом
 смысле приговорена. „Воды таяны, воды страдания“ — иначе ее не каза-
 вают люди. И точно — как началась жизнь для большинства. И как
 будет еще та же жизнь, когда у Карамасовых будет отнята урочная
 балансирующая неважность. Когда-то были потопы, говорили Библии.
 Ну если ли будет ответственность еще содвинуть, чтобы пробудиться
 или оно само придет в себя достаточно сил, чтобы проснуться? Но
 жизнь все там не готова. Эти жизни отказать, перейти в небытие,
 если эти были бы в нашей жизни, — безосмысленно. Если бы люди все
 равно не умирали, самоубийства бы не было. Самоубийца только
 ускорит развязку. Если бы ему нужно было бы создать ее — он
 никогда бы не рождался. А когда бы самоубийства считали
 преступлением... Рождался ли бы и оторвать все это вконец?
 и какой вывод практический? „Ищите прежде всего Царства Божия...
 Претерпевший до конца спасется...“ Какого любящего слезами полны
 эти слова. Но больше всего из них понимают, когда уже нет

сия провсестина сожизнь. Значит, без представлений обудущей жизни
настоящая — необъяснима. Иногда отбываются сия —

Великіє въ несчастіях! Въ силѣ порѣ возобновити еще не придумано
бегитъ прекраснѣмъ образа, члвчъ великіє въ несчастіях. А мнѣмъ тѣмъ
всѣ думаютъ, что нужно имѣть счастье въ жизни, „Сильная и
жестокая судьба въ концѣ концовъ упитѣетъ и добрыхъ и злыхъ“ Бр. 621

Но тогда смѣшно бѣтъ великімъ въ несчастіях. Тогда разсказъ
о смерти Сократа долженъ вызвать въ насъ не благоговѣніе и уни-
женіе, а ~~уваженіе~~ насмѣшку или негодованіе ~~уваженіе~~. Если су-
ществуетъ „сильная и жестокая судьба“ — то на нее можно реакци-
ровать только безсмысленными отъчаяніемъ. Великіе же все въ нес-
частіяхъ противостоятъ гордую руку тѣмъ, что стоятъ надъ сильной
судьбой, что даютъ смыслъ и чуждымъ страданіемъ и неправдѣ и
смерти. Лишь тѣмъ можетъ бѣтъ великімъ въ несчастіяхъ, кто чувствуетъ
себѣ въ жизни высшее начало. Наука еще не нашла словъ для
объясненія этого начала и поэтому считаетъ его до поры до вре-
мени не существующимъ. Какъ научный предметъ — это предположеніе
имѣетъ себѣ оправданіе. Но люди принимаютъ слишкомъ охотно
предположеніе за аксіому. Бѣтъ можетъ ли одна научная исти-
на не привлекать такъ много, какъ въ средѣ интеллигентовъ
общества, какъ это предположеніе. Для тѣхъ, кому жизнь ~~упо-~~
бавляется, для Гамлетовъ, еще не видѣвшихъ духа отца, этотъ
предразсудокъ полезенъ. Онъ даетъ возможность сосредоточиться
на преобрѣтеніи жизненныхъ благъ, а часть жизни притѣной

по своему украшающий жизнь и обогащающий от многих вещей, считая
всё счастливее и счастливее. Сими божественными силами, и при этом -
свободными. Виноградники М. Бои охотничьи - и тогда, в самом конце,
попытки и в самом конце. Потом эти переживания - и много
писаний великого писателя. Ити, и другие, превознося и в
наполеону. Мою систему в конце и при этом, и в
взгляды свои (по своей) "только" "только". Мою систему
привести и - радоваться своей и своей глубине понимания жизни. На
каждой из этих страниц (и в том же)!

Найди философского и онидарского писателя
Historias solis. Названия были М. 515 II

Если бы люди всегда говорили о жизни, в том числе
не только о том, что они видят, но и о том, что они чувствуют, в том числе
и о том, что они чувствуют, и о том, что они чувствуют.

Итальянский писатель Барцелотти ставит в заслугу
Мэну, что он превзошел слишком систематический позитивизм
Конта и гениальность психологического анализа,
силой и шириной своих теорий. В том же артисте допол-
няет и часто исправляет логику и диалектику. Ничего
не может лучше доказать, чем пример его гения
единства организма исторических фактов. Его задача
мыслителя и артиста родилась и питалась всей
современной культурой. Всей современной культурой!
Барцелотти больше похвалы уже и придумать
нельзя. Несомненно, что вся культура современной
Европы питала Мэна. Но не вся европейская так уже

ошибка

М. 515 II
м. I

довольна этих дѣтищамъ нашего времени, какъ Бар-
 целотти. Даже Сент-Бевъ, (питавшійся несомненно
 тѣмъ) вскормленной несомненно тѣмъ-же матерью, что
 и Мэнъ, несомненно не советамъ доволенъ своимъ младшимъ
 братомъ. Когда вошла „исторія литературы Англій“
 Сент-Бевъ повторилъ. Ему показалось, что Мэнъ
 уже слишкомъ хорошо вскормился. Но Мэнъ вѣдалъ,
 что все отъ условій зависитъ — вся литература, все искусство,
 вся наука страна. (Сент-Бевъ находилъ, что хотя
 нечеловѣкъ нуликъ и на счетъ личности себя поставитъ. Это
 но тѣмъ не менѣе — похвально это или непохвально —
 Мэнъ, какъ литературной критикъ грезвѣчай но ти-
 пиченъ. И не потому, что онъ „дополняетъ и исправляетъ“
 Контъ. А какъ разъ наоборотъ потому, что онъ дово-
 дитъ положенія Контъ до крайнихъ ихъ выводовъ.
 Типичнѣе люди никогда не занимаются такими
 безполезными дѣлами, какъ исправленіе и дополненіе,
 которыхъ въ сущности сводится къ замалчиванію и
 затолканію вѣтъ естественныхъ тѣреній системы
 и А Мэнъ прежде всего человекъ даровитый и, са-
 мовольно, типичнѣй. Вѣдь его даръ — это дѣло
 иное. И какою даръ могла создать „всѣ современная
 культура, кромѣ того которой болѣе послана судьбой
 несчастному мифическому царю, при посвященіи котораго

обращало въ золото все нѣ чему онъ не прикасался.

^{приседая}

Но царь искалъ богатства и судьба не была къ нему
несправедлива, одаривъ его такой завидной способностью.

19 вѣкъ искалъ положительной науки, объединяющей
принципа. Можемъ ли мы пожаловаться, если его кри-

тику была дано своимъ приношениемъ обращать
все живое - въ мертвое? ^{дожето} Это необходимо было тому,

ибо иначе эта своеобразная задача, поставленная
имъ собой, превести обосновать литературную критику
на принципахъ позитивизма была бы безусловно невоз-

можна. Прочтите тома и вы будете пораженны
тщательнымъ блескомъ его изложенія и стройности

его системы. Онъ говоритъ о живыхъ людяхъ, в задачахъ
жизни съ такой увѣренностью съ какой не всякій хи-

микъ говоритъ о своей науке. Это дало ему возмож-

ность придти къ такой заманчивой стройности

и опредѣленности, какъ не это же дуетъ влестковъ

даръ все обращать въ золото? „Ит

Что за мечта считать на нашу душу,
Когда сиротамъ на счету сиротамъ.

... Тамъ вѣтъ какъ свѣтъ иррадиация въ иррадиацию

Равно лиризмъ дѣла, равно по Клавдию не отгадывъ придать итд.,

отгадывъ, в логикѣ сиротамъ то не отгадывъ иррадиация

Аотдас ииррадиация?

Григорий

„Григорьевская проблема“ как философский аспект и попытку понять историю,
что была важна — в то время, что философские идеи активно принимались
различными людьми. Невольно мы переходим на вопросы о том, что такое Гам-
метт. Но можно вернуться к Гамметту, вопросу, юридический вопрос, в том,
а можно не считать его естественным фактом, а скорее фактом
вопроса. Вопрос не имеет равнозначности.

Гамметт — логический противник приращивающей души. Брунх — эконо-
мический противник вращающегося колеса.

Многие Гамметта, Цезаря и Юрия сличают определения свое отношение
к истории, этот вопрос касается и подданных и императоров. Мехенд —
в своем отношении к истории — стоит уже выше всех своих идей, как бы
всегда или не всегда. Его мировоззрение — не в Гамметте и не Юрии —
а во всем со всем.

Когда внимательно смотрю в Хирюшана, вижу что-то новое за чуждо-
стью, и забываю эти слова своим ожиданием. Вдохновленный, эти факторы
меня эти понятия.

Система есть только вид анализа, скрытой анализ.

„Почему Гамметт — это все с а с и у“ и шокоты по поводу Родри —
хорошо указывают, что Гамметт создает свою историю, не считая
всей души отделить душу, и ставящую и подчиняющую ее собственную.
Вот мы хотим это.

ви. похитник

„Сущность названий сущностей“ — это название у Гамметта.

Брунх

Брунх Мехенд — не римлянин. Он и не может быть римлянином,
ибо по существу своему, римлянин был почитаем дождя тали,

Брунх

10/11/10

В нем слагались все истинные ^{достоинства} — сила, вера. Он
берется за меч, когда это необходимо и дрессирует, если необходимо и
повелевает. Он не забывает ни, грамотить малых и великих иудей, потреби-
вавших себя в похоти все религиозное над его почетом. Он не почитает
ни и почитает мучимых. Ваконна война над иудеями и иудеями со своими
прислужниками. Брута некаждый из, но каждый мучит и, по-
том иудей (Доминик Ринг и истинный почитатель. не быть таковым).
Римская цивилизация уничтожена для своих иудей иудей народа,
Брута (и иудей Антионий) Ваконна Цезарь иудей спрашивает
разрешения на. Кем Брута слагается в себя. Он дружит Цезарю — и
друг искренний. Он тот же, как иудей о иудей, что Цезарь иудей спрашивает
задавшись в думу со — иудей и иудей народ. „ Это отдаление Римского
в сравнении с иудейским Брута " возмущает Иудея. И тот же —
иудей только почитает римский народ иудей, как иудей и иудей
почитает иудей. Иудей иудей не иудей, как иудей иудей иудей
иудей иудей. Римский и иудей иудей не иудей иудей. Иудей
иудей иудей иудей иудей. Иудей, иудей иудей Брута,
иудей и иудей иудей иудей иудей иудей иудей иудей
на иудей. Иудей иудей, иудей иудей иудей. Иудей иудей иудей
иудей о иудей, иудей иудей Брута, как иудей иудей иудей
иудей. Римский иудей иудей иудей иудей иудей иудей иудей,
иудей иудей иудей иудей иудей иудей иудей иудей

Брута

любви Ассано — вы не убьёте его своей вадой. Вы пришли
добраться сюда и не повстречу. А задан — оронна, уродлива. Вы же
Словно хорошо справились в условиях, чтобы ерничать и пере-
рывать. Престарелый — Цезарь Фрун, друг, алаовичи-
ищу ищущие ушур, спавши ему явив. Задан — нечего
и даже с уверенностью сам акт, томо и Цезарь нечаял играя,
томо и не добивается власти. Задан Фросс и подобно сравнил
Задану Фрун — с задан — Галиста. Клавдио — не повелит
принимать, но считает ищет, ищет, ищет. Престарелый —
и Клавдио — ищущий. Ово вавилонское Фрун, акт погрешности —
предрабачивая актриса ищет в вавилонской вавилонской,
поиском алаовичи хороши. И сверх всего, ^{требуют} ~~Фрун~~ ~~принимать~~ ~~принимать~~
томо уже несовместно не саяла разая Галисту, что ищущий
ищущий: „отмечать, отмечать убои и убийство“. У Галиста
ищущий и не ищущий боты и социальный, и вавилонский, и
вопроса — отныне, что у Фрун все социальный, все ищущий.
Поиском Галиста ищущий Фрун — и Цезарь оста-
нется ищущий и Галиста ищущий, что такое угроза
советов. В этой путанице вопроса и социальный, ищущий
факт предсказано разрыв с Фрун, Галиста ищущий
да сколько угроза оправданий для ищущего разрыв-
ищущий вопроса. У Галиста ищущий угроза ищущий
тогда, когда уже ищущий боты ищущий отныне. Ищущий
ищущий с ветви ищущий; его судьба Галиста ищущий

[illegible]

5/11/11

Брунъ преодолѣваетъ свое вѣроувереніе къ Кривоу (у Ивана) и
договорившись съ нимъ - лишь послѣ этого на загорѣ
съ ассириецъ, ассириецъ. Послѣ того, когда совершилъ Брунъ
великій подвигъ, иудеи совершили съ нимъ - и много
великій. И въ ту же ночь Брунъ и падучая собака
модели, вѣдущей въ поле, и во второй разъ всталъ
на востокъ своей дороги. И Брунъ много постыжеть
не могъ. Ему нужно было, а не мѣтаться. А если бы
Брунъ передъ нимъ о своемъ поведении въ привидѣніи
и не вѣдалъ почитаній, вѣдѣлъ иудеи. И Брунъ иудеи
думаетъ, и Брунъ иудеи иудеи. Которы думаютъ и
о томъ, что иудеи иудеи. Въ думаютъ въ не могутъ
иудеи отъ иудеи, иудеи иудеи иудеи. Въ иудеи иудеи,
И вѣдѣтъ, во всей своей жизни Брунъ вѣдѣтъ такъ
въ вѣдѣтъ иудеи противъ иудеи иудеи иудеи
иудеи иудеи иудеи - и отъ этого иудеи не презираютъ иудеи.
Иудеи иудеи иудеи иудеи, иудеи иудеи иудеи
иудеи иудеи - иудеи иудеи иудеи иудеи иудеи.
Противъ иудеи иудеи иудеи Брунъ и иудеи,
и иудеи, и иудеи, и иудеи.

11555

Въ 529 В. иудеи - иудеи иудеи иудеи. Но и иудеи
и иудеи иудеи иудеи иудеи. Въ иудеи иудеи
иудеи иудеи (иудеи иудеи) иудеи, и иудеи иудеи,
и иудеи иудеи иудеи иудеи иудеи, и иудеи иудеи

Къ происхожденію трагедіи. Брандес похваляется
 тѣмъ, что онъ впервые опровергнулъ державшійся до него
 прочно взглядъ на необходимость въ драмахъ воздавать по
 заслугамъ за добро и зло. Моментъ онъ и впервые выска-
 залъ этотъ взглядъ - но являлись, къ сожалѣнію, тутъ
 нечистоты. Не потому, чтобы въ дѣйствительной жизни
 господствовало торжество правды. Но потому, что
 возставши противъ стариннаго предразсудка, совре-
 менная критика забыла его новыя, уже совер-
 шенно безсмысленныя. Преследовалось: нравственный
 чувство требуетъ того, чтобы злодѣй былъ наказанъ,
 а доброй - награжденъ. Теперь говорятъ: „это не
 бываетъ, значитъ - все это превозношало въ ли-
 тературѣ.“ А что - все бываетъ? Бываетъ, что
 злодѣй торжествуетъ, а настоящій человекъ гиб-
 нетъ. Значитъ? Значитъ, что есть такая
 безсмысленная судьба, значитъ надъ человекомъ
 господствуетъ случай, который равно и казниваетъ
 всѣхъ людей, не справляясь въ ихъ нравственный
 послужный списокъ. Такой выводъ - въ нѣтъ
 оптимизма, хотя непра вильнаго, не приложимаго
 къ жизни, устанавливается принципіально
 невозможность оптимизма въ человеческую жизнь.

Когда впервые стала карикатурою положеніе такое

ср. рисунки

наука человеку вся природа, и даже столь гордо и высоко
подчиненная строгому и прочному порядку, казалась
каким-то хаотическим сочетанием случайных явлений.

Золотой дождь, град, буря, роса, затмение, землетря-
сение, извержения вулканов, наводнения — все
сложное разнообразие стихий казалось ему грозным, но
необузданной и произвольной силой. Когда впервые
мысль о порядке во внешнем мире зародилась
в голове человека, она противоречила общему
миропониманию божьему, и вот теперь легенда об
Илье пророке или сказание о Киевских вьдмах
противостоят нашему всемогущему научному
уму. Ураган — в своем появлении не волею,
могиной и грохотом — есть то же, что и электри-
ческая искра, затмение — есть просто явление,
а не грозное знамение разгневанного могущества?
Амедей так же ^{невероятно} гипотеза о вьдмах и затмениях,
об ураганах и Илье пророке — все так же вымысел —
хоть что-нибудь. Они сводят непонятное
к понятному. Путешествие Ильи пророка
ясно, чья цель путь, безземельный путь,
вруч поднявшийся на небо. Разгневанная
божественная злость что-нибудь говорит. Не-
мая буря гонимая случайно, без

пришла Богъ встѣ отъ нуда слѣдующая на землю,
опять пришла. И, если при въ отдаленная времена
люди представляли гипотезы оъ жизни
прарокъ и разнѣвающихся Божествъ - соображений
случайности явлений, то плохую услугу они оказывали науке. Теперь, повѣщая психологию, сбиваясь
съ позицій старинныхъ гипотезъ - предполагаютъ вза-
мѣно имъ поставить принципъ необходимости,
случайность всего, что происходитъ съ нами.

Трагедія - это игра слѣпой судьбы, такъ гово-
рятъ намъ. За доказательствами ходить далеко
не приходится. Взгляните на жизнь.

Но не всѣмъ ищущимъ глаза - видятъ. Милліоны
людей глядятъ на жизнь - и видятъ разное.

Глядитъ Мексикъ - и видитъ одно. Глядитъ турки
наша и видитъ иное.

Нѣтъ ли тутъ критика середина нашего столѣтія -
въ лицѣ главныхъ ея представителей Уолбрига и
Гербинуса искали въ мексиканскихъ пьесахъ вы-
раженій извѣстныхъ философскихъ принциповъ,
нотариально поджила душевная жизнь человека
точно такъ же, какъ природа подчинена своимъ
законамъ. А между тѣмъ между Гербинусомъ и
Уолбригомъ по поводу Шейлога возникло разногласіе

ШБ 40
2

Упорицы доказавали, что идея Шекспира должна
привести в своей пьесе Бона, и титит jus- summa
iuria! Тервинус настаивал на том, что
задача поэта Бона состояла в том, что пока-
зать бессмысленность страсти и действия и любви-
ни последствие такой страсти. Но оба писа-
теля видели в Шекспире понимание, ослеплен-
ности человеческого явления. Зато мы говорим, что
Шекспир стремился показать в своих пьесах, что
как судьба человека — не дано случаю,
а дано его собственными руками. И что трагедия
в жизни человека — есть результат его характера.
Но и в том, превозмогающий Шекспир
как и grand idéaliste — и всякое событие
судьба человека становится невозможно. Согласно
тому, что мы живем, что думаем, что делаем,
на что мы делаем — складывается наша жизнь.
Мы думаем и мы делаем, все мы и мы делаем,
мы делаем и мы делаем, делаем и мы делаем, делаем
и мы делаем, делаем и мы делаем — согласно
условиям, среди которых мы живем. Мы
улавливаем создаем нашу идею, и вору,
и сифилис. При этом, когда происходит
идея, если человек так думает, что парадокс

у него шобузданный и казнь-таки тапиротури от отравы
Она таяла, что вы каутилась и устала - получаю от
отголосков, что упрямая, дающая повод к отчаян-
нейшей мысли, казавшаяся пророчеством. Некие сами почти
тот же так питаются, что, как Меропей, были еще неопре-
деленные, и в том же трагедии - да и в комедии - как
польза быть падшим. У него большое ионическое
сказ, дающие возможность достоинство ^{хорошо} передавать
знаменательные события или безразличные вещи,
В той же передаче Меловой теории и той и слага-
ющей. Этой правдиво поименно этого своеобразного
грозного писателя, так удачно славянского и
или самого себя и или итальных под Песенником
избавляет и потому своим, "по сути своей" что, или при-
ключений почти и потому всеобщим во всей вселенной
подой, и одной сироты - этой правдиво поименно со-
тупило перевести его на комический язык и язык,
отторгнут фетишизмом иди, когда или извеще-
вал можно италь с одиноким без меня собой. Прип-
нхит теории, каутилось критика - во всей ее полноте
и легкой трагедии - в Гамлету каутилось. Но славяно-
самому Мама (или оплачено на Гий) - Гамлет италь,
догрит, оторгнутый язык италь, до 30 италь беззастен-
чивости в Гамлетии, что италь - короче, отит

Знавший только понаслышке и потому серьезно им него
не представлял ^{и вору} - ~~вору~~ на замкнута вору, словно
он неба - (да и тогда, по гробу неба - с неба) свали-
вается вместе с тем, что он даждь, соблазнавший на
гробовый камень себе он знает - убийца отца и, что
у него даждь нужно отомстить. Такие события
в жизни замкнута вызывают трагедию. Но трагедия -
это трагедия, а не комедия? В том же замкнута, знав-
ший, что мир даждь, что даждь - убийца и гробовый -
сидит, даждь даждь до такого состояния душевного,
при котором ему, по словам Мюллера, "борется душа
с душой". Что случится? Расплет - по преданию даждь -
Знайка Звезда, по преданию она даждь даждь, даждь,
Знайка и т.д. "Ему нужно свести даждь, покуда
ему не поспит". Но даждь даждь даждь даждь даждь
даждь? Каков будет такой предсказатель, в даждь
которого он не может уйти. Ему не хочется, он
взлетит на даждь такое даждь, - что даждь даждь
он даждь, даждь, в даждь даждь даждь даждь
даждь даждь даждь, даждь даждь даждь даждь
даждь, даждь даждь даждь даждь. Ему нужно
даждь даждь - даждь даждь даждь даждь даждь
даждь даждь, даждь даждь даждь даждь даждь

[illegible]

руку на сердце, и да и успокоится" или во грядущему
покинут, каковы будут знания, или как возникнет во
всех нас в душевное и по закону слову
вашему просить все и уйдут на покой? Если все
будет в сущности пришло, или впрочем как и
вспомнить как-то есть по истории? Значит
вы с вами правы, и интересная ситуация за
содержанием психики, если она - имеет характер,
или продукт взаимодействия? Значит вы ее и не
вашей сущности или словесной трагедии, что и означает
ее как сущностный элемент, не является ли
каким-то огромной силой? Если-ли это и будет
в сущности слово трагедии, что означает и
основывается на нем, что это такое слово
упреждающее и готовое, судорож и интеллект? ~~Если~~
Если так, что это такое слово и судорож - ~~это~~
тоже происходящее от души и интеллекта, или вообще
ваша и судорож ваша развитие душевного
борьбы, а борьба как и интеллект имеет в себе
интеллект? Борьба, средняя часть, не
может быть не доброе быть. Конечно и
приходит, что в сущности трагедии вводит
и в сущности в историю - процесс и интеллект

звание и тогда иная роль ее в жизни.
 Любо раз навсегда отказаться от всякой социаль-
 ной или общественной роли, от всякого участия
 в общественной жизни, погребение вечно светлого и блестя-
 щего и неуловимого - с аду и вечно. Прими-
 тельно и покорные помыслы всякому интересу и пра-
 ве, и миру внутреннему и внешнему - оправданы
 Гиперборея с Сандра, Меленда - с Андриет
 и Меленда, либо острый крик и то, что наука
 еще не в силах, что не в силах сказать, что не
 самый крик и то, что не в силах сказать, что не
 вернее.

Несомненно, что естественность и естественность
 отраженности, ибо она предполагает инстинктивную способность
 не видеть того, что разрушает систему. В то же время
 и естественность и естественность: она сама обречена на
 свою естественность, и естественность естественности.

Ничего не устанавив - и Брандес это призна-
 ет, в то же время и Брандес и Брандес - в то же
 время и Брандес и Брандес - в то же время и Брандес
 и Брандес - в то же время и Брандес.

МБ р 9

... всей современной культурой. Мат этой культуры Мат нест
Большая неправда. Несомненно, что задача Мат как и все его
всего духовный склад носит на себе явную печать современности.
Но именно поэтому, неартист и художник дополняют и изме-
няют в нем систематика, а наоборот - систематик перегружает
в нем на свой манер художника и артиста. Иначе и не может
быть. Стремление к систематике убивает свободное творчество, ставя
для него заранее установленные, тесные рамки. Войти в мир
человеческой души оттого, что подчинить его законам, существу-
ющим для внешнего мира - значит ^{заранее} добровольно отказаться
от право все видеть так и все принимать. Поэтому до
конца времен искусства шло своим путем, а наука -
своим. Люди чувствовали, что нечто возможности приписать
явления внутреннего мира явлениям внешнего и довольство-
вались тем, что устанавливали подпадающую наблюдению
взаимную связь, не делая попытки относительно подчи-
нить один мир другому. ^{правдо,} ~~философский~~ существовали системы,
отдавшие такого рода попытки - но эти системы, как бы
или менее удачные образцы метафизических построений и много
узок, специальное назначение и мирно продремали в библиоте-
ках философов, не претендуя ни на широкое распространение,
ни на какое-либо практическое значение. Философы,
вся задача которых сводилась не столько к тому, чтобы обобщить
всё, как и тому, чтобы принять из неё лишь

МБ р 10

горюла для того, что называлась на их языке, мы несли
элементы т.е. именно те, где мета все проявляет себя, —
строили бытие или мета вложенная философские знания, а с их
трусами знакомились ^{другие философы} читая. Как с образцами умственной
оригинальности, единственно и предназначенной для того, чтобы
удивлять ^{ученых, другие философы} ум людей, своей ~~причинности~~ ^{причинности}. Жизнь шла своим
курсом, и не давала философии править собой. Люди любили, радо-
вались, печалились, страдали, возмущались, упреждали, плакали — не спра-
шиваясь ни о чем никогда о том, разрешается ли все это в тех
толстых книгах, где собрано такое множество ученых слов.
А, в конце концов, сами философы вовсе и не думали о том,
чтобы их книги пересказали что-нибудь в жизни. Но уже
в 18 веке произошло нечто неслыханное событие. Философы
ворвались в жизнь. Книжная мудрость, именно та, которая
повидимому обречена была существовать *an sich* и *für sich*, как
печаль „*für an sich*“ по преимуществу, как нечто, чего не
только сущности, но и самого существования не могли познать
человеческие — эта книжная мудрость вдруг вышла из толстых и
овладела их умами. То, что было прежде неким образом пред-
назначено для ученых, по своему призванию должно было входить
в жизнь и потому требовавших для себя специальной
духовной диеты, было превращено в нечто общее для
всех людей. ^{Философия} ~~И эта идея~~ ^{из одной стороны}, ~~платила себя~~ ^{идея} ~~благотворительности~~ ^{идея}, ~~генеральная~~
адвокатов, с Волы терла в голову, и с другой стороны

установить, Закон прищипности, а представление о Боге, как
 высшем существе, сознательно правящем людьми, называ-
 рующим злом и возносящим добро, выходящим из
 повеления жизни - не мирилось с основными Законами науки.
 И, ^{несомненно} ~~быть может~~, Вольтер и Кант оказали огромную услугу
 науке. Но наука, убившая Бога, чтобы обосновать свой закон,
 уже не захотела останавливаться на этом только.
 Она уже стала требовательна. Ей мало была Бога - ей
 нужны были все человечки - иначе не была бы полной системой.
 Несомненно, что систематичность уже есть впрямой при-
 нах бурной орошения, ибо она обязательно пред-
 полагает способность многого не видеть и негнать
 и истинный всеобъемлющий по всему, нарушающему
 ат вложенной т.е. мертвой парадоксальной. Но запрос
 на науку все возрастал и соответственно с этими
 развитыми уже многократными классами ученых с типич-
 ческими бурными складами, как только были соответство-
 вующими условиями новой европейской Бога. Ученые уби-
 вали в себе сознательно и безсознательно все те
 свойства, которые имели бы и в их гонимых,
 вальдетсе этого, наука процветала и завоевывала
 себе все новые области. Покончив с Богом, она
 принялась за правительств. Сперва доказывалось
 общественное ее происхождение, ее служебное значение

XIII 5 12

XIII 5 12
 alinea 1

Вся тысячелетняя работа человеческого духа — была признана одними
сплошными недоразумением; люди думали, что ищут нравственный
идеала, неся тем же как они просто на просто обоготворяли случай-
ные, выросшие на той или иной почве, при таком или ином кли-
мате и ищут общественное предрасудки. Доказательство — истории,
сравнительное народоведение. Во разных странах в разные времена
чтились самые противоположные принципы нравственности. Приво-
дились ссылки на понятия индусов, римлян, египтян, средневековых
людей, первых христиан. Выходило, что каждый народ, каждая
эпоха чтила свое и потому наша наука выводит ее изматом
могла воскликнуть „где же истина?“ Ответить себе, что
этой истины — нет, что истина осталась вдалеке от нас в хи-
мических приборах, ботанических коллекциях и микроскопиче-
ских людей. Ученые — ~~то~~ т.е. естествоиспытатели не говорили
этого. Это же никак уже говорили эти люди, которые, приняв результаты
исследований от естествоиспытателей, искали подчинить ^{им} эти за-
коны ^{наукой} часть жизни, что было необходимо для полного торжества
системы. Любопытно Естествоиспытатели же, вполне довольные
той законченностью, которую они находили в своих улогах,
оставляли человека со сво душой в покое. Они уже не верили
в высокие слова о назначении человека, но они и не утверждали
противного. Но приважи они повторяли да же старые предрасудки
и старые мнения, полагая, что „все это может быть на разных
манерах разрешено, что все это точному изсследованию не под-

дастся и, главное, в непосредственном разрешении не нуждается. Ибо
 в принципе можно жить и в том случае, если существование Бога
 и (происхождение) нравственности находится на порогах.
 И то другое, и Бог и нравственность, не менее чем законы,
 образуют человечество. Так пусть и те себя остаются —
 не нужно подготавливать впрямь в них, как это делали во Франции
 с Богом в XVIII веке, но вместе с тем следует политическое
 и общественное назначение этих "понятий" и искать лишь подтверждение
 общему единому закону причинности явлений. В среде истинных
 ученых явилось полное равнодушие к этим вопросам, граничившее
 со бессознательным признанием того, что рано или поздно не
 избежать учета всего закона — т.е. закона причинности. Так
 и возникло: естественные науки ушли, наконец, вдалеке и за конкретные
 вопросы и Бог, вместе с нравственностью творчески более
 вступит в жизнь явлений природы. При этом Бог постигнет
 Божье участие, чужд нравственности. Нравственности
 было разрешено продолжать свое существование, как оправдавший
 свое прошлое и будущее званием ссылок на приносимую
 ей пользу. Бог — все из интеллектуального круга изначаль-
 но и оставши его лишь для народа, недостаточно про-
 священный, чтобы не подчиняться такой отвлеченной силе,
 как, нравственная понятию. Но, по общему мнению, ученые
 не могли предугадать, к чему их приведут их открытия,
 как монах Шварц, составивший перо, не мог еще и думать

оружейных войсках, чинящих нам столь тяжёлые бремена на несчастные народы Европы. Ученые объяснили правдивость и богами - не желали. А было - что они отняли ее. Объявляя нравственность вдруг потеряла всю волшебную власть свою над людьми. Тот дух, который вел людей на подвиги, пока еще не исходит от Бога и далее от такого удивительного повелителя, как исторический император - вдруг, когда он ^{потом} оказался простым предразсудком, ^{очень} полезным для целой общественности, сразу стал естественным, ненужным, холодным, "утилитарным" как выразился один из современных поэтот. А зачем пави-
ваться такому странному началу? И до сих пор участие Бога - только на некоем далеком этапе. Теперь уже, имея чиня своей власти и для человека, с помощью современных образования граница дозволенного определяются только из собственных желаний и чисто внешней возможностью. Разумеется - ба на этом и покончить нужно. Но, человечество ~~чувств~~ не доживает непрерывно. Бог был покоем, правдивость - тоже. Это все чело-
веческое присоединить. Но не покоем - и все ~~жизнь~~ человека, не при-
чиняя - ли он все и не ~~милость~~ - ли "научное" право на существо-
вание только то во ~~жизни~~ человека, что есть во ~~наших~~ обязан-
ности существования неограниченного мира? И этот вопрос
прошел, ~~что~~ и на него ответили утвердительно. Все, что чело-
век отнимает от ^{чужих} видимого мира - все это надстройки, пристройки,
обманки, видимость, фантазия. Все этого можно освободиться.

Страсти, воянения, несчастья, радости, любовь, печаль, вояра- все
это пропадки, несчастия, которые должны быть разрушены
действием времени ^и его союзников, науки.

И точно, эти боги прогнаны устанавливается закон причин-
ности для мира внешнего, тем больше отдаётся во власть слу-
чай внутреннему миру человека. Боги того — можно пра-
во сказать: все, что во внешнем мире представляется как
связь причины и следствия, связь самостоятельную, независимо
существующую — все это для роста, развития, для судьбы человека —
является случайным. Поиски причин. Кирпич сорвался
с дощатого карниза, падает на землю и — уродует человека.

Это может быть с научной точки зрения закономерным,
этим падение кирпича. Но мы так не знаем причин
его падения — но мы так уверены, в том, что причина
была, как будто бы знали все, что произошло. Вторично,
от действия воды, цемент ослабнет, а затем от дуновения
ветра слабо державшийся кирпич оторвется и падает
на землю. Может, наводнение и ветер были причиной — это
была такая же причина, как ветер и вода — ма в этом
также очень уверены, как только можно было уверен человек.
Несомненно, падение кирпича лишь доказывает гармо-
ничность явлений природы, торжествующий при этом во всем
вселенной закономерный порядок явлений. Но, падая, кирпич
изуродовал человека. И тут еще можно, если угодно, простодушно

-115 р 15

еще
Нечто такое с вращением законности. Камень повредил череп, сломал
глаз, ~~отбил~~ выбил несколько зубов, раздробил руку - все это по
тем же - все неизменно законные природы. Но при этом получа-
ется еще нечто: человек изуродован. Т.е. молодой, полное жизни,
надежды на будущее, веселое, прекрасное, радостное существо вдруг
обращается навсегда в негодного калек. У него сломан глаз, зубы,
парализована рука, ~~поврежден~~ поврежден мозг. Что все это такое?
Почему так произошло, так случилось? Пока камень падает
и расшибает по пути другие камни - все было ясно. Пусть себе
падает. Но сказать так „камень упал и при этом обсто-
ятельств уничтожен человек“, сказать, что это явление сос-
тоит только из одной части т.е. из столкновения ~~камена~~ камня
с тем или живого существа, и что больше в явлении этого ничто
ничего - значит механически закрыть глаза. Вряд ли наоборот - попытка
человека - это существо, это главное, это требует объяснения -
что это в то, что камень упал есть добавочное обстоятельство.
Но по объяснению - все науки, все, что произошло с человеком -
есть лишь прибавка к явлению внешнего, случайное, необходимое -
не нуждающееся в объяснении ~~явления~~. Человек живет или
не живет, радуется или страдает, падает или возмущается -
все это лишь поверхность, видимость явлений - сущность все
их падение камня. Отсюда общий вывод - жизнь, внутренняя
жизнь человека, есть по существу своему нечто совершенно
случайное. И это нечто прочнее устанавливается, что

Большая завоевания уплатит наука. Намеки определяют со-
 бою судьбу единого человека. Много намеков и определена
 судьба целого народа. Почва данной страны — камениста!
 Это и не уже одним заранее предопределяет будущность засе-
 ляющего ее народа. Он будет ^{или} силен, ^{или} слаб, даровит ^{или} туп,
^{добродетелен или порожен} труслив или храб, ^{или} глубокомыслен ^{или} поверхностен — в зави-
 симости от того, под какими небомъ жилъ онъ, какая земля
 была у него, какими воздухомъ дышалъ онъ, какую пищу,
 какое питье употреблялъ онъ. И храбрость, сила, дарови-
 тость, добродетель, глубокомыслие — все это будетъ лишь
 случайнымъ выражениемъ чистыхъ внешнихъ условий. Все это —
 приращенье, дополненье, все это — въ форма въ которой выра-
 зилась та природа страны. Отсюда — естественный выводъ, что
 подобно тому какъ великий климатъ, вечная пища, вечное
 небо, всякий воздухъ сами по себе взяты — одинаково хороши,
 так и все формы ихъ выражения — трусливый и храбрый,
 упрямый и мягкий, даровитый и бездарный, подлый и благородный —
 человек — тотъ же равная между собою и всякое качественное
 разделение людей противоречитъ здравому смыслу, какъ
 всякое качественное разделение объективных вещей.
 Скажутъ, напомнимъ про Брута, какъ говорил Мелани:
 „Это — была голова — столько же по основательности, какъ восклик-
 нуть, „Где же на утесе!“ Это — была утес“. Такой выводъ
 даетъ намъ наука, если (примитъ ее) распространитъ

методы ее исследований на вопросы духовной жизни человека.
Но наука этого не требует. Она изолировала внешний мир —
эти были ее ^{научные} приемы, эти были ее методы. Она изучала поряд-
ки внешних явлений — и отыскала в них известную
гармонию, выразившую в законе причинности явлений.
Но ^{она} это — не требовала — выдавала это за универсальную исти-
ну. Естественные науки за пределы объективных явлений
не выходили. Правда приважа всегда находила законы
сигнетива и прижизня, в соединении с утраченной способ-
ностью цвннть явления внутреннего мира подготовила
естествоиспытателей к новому, решительному шагу,
къ попытке все подчинить своему закону. Но не наука это
сделала, а люди науки. Наука дала превосходную, импе-
риозную и грациозное значение, гипотезу порядка внешнего
мира и назвала ее гипотезой причины и сигдетива. При-
ципание ее дало возможность человеку покорить себя
самой крайней и самой буйной силе природы. Но важной
системой приважи къ победам ученой управать в свой
метод, как в вечную истину. Жизненной инстинктом,
способностью чувствовать живые явления были иль утрачены
в иную науку. И вче, научившись строго мыслить — не
разумевая их чувствовать жизнь во всем ее обилии, взирая
судить о ней. И в этот человек произнес свой приговор
жизни. И этому ученому поверили люди и его

Ш 5, 17

мова стали новими заповідями.

24

МБ 17

Колоніальні

67 sp. Common as in

[illegible]

[illegible]

Многие такие люди характерны для преобладающей в советском обществе
этих условиях
Нары, электричество, газ, вода, политика, ~~все коммунальные вопросы коммуна,~~
~~удобства~~, все нужно с сегодняшнего дня, за последние запросы на коммуна
и удобства, они тоже дороже и идут в убыток. Они требуют себя
всю выматывая человека, требуют всю его любовь, и личного человека и

Муром
Ст. Прядуновский и соседние з.м.г.

Кант считал, что необходимость субъективных условий нашего восприятия, и тем не менее внеусловно истинности в принципе мироздания. Если необходимость — субъективное условие восприятия, следовательно, были или возможны иной способ существования, то как известно поступлено с человеком, которого ^{без нужды} подчинили ^{безликому} закону необходимости. Если "необходимость" — не необходимость, не безусловно необходима — то опять таки прав Марбэт, что мы имеем сейчас сказать, расклевывая глотком. Необходимость не есть паталистический принцип, ибо она слишком близка для этого. Ага, как верховный принцип, может возникнуть либо у слишком запуганного, либо у слишком занятого дворянина изобразил для (как в 196.) человека.

Наше представление о нем — первоначальный принцип, — кант не старался представить эволюционной теории вступают все же человек в ряд вещей природы. Необходимость должна быть объективна как следствие истины. В сущности Кант, исходя из природы необходимости, почти подчинился тому, что в сущности он или признал ее относительность. Присоединив к метафизике математику и историю науки, давшие великие области знаний о мире истинный — разум, Кант в сущности только продолжил эмпиризм того, распространяя его и на эти принципы, к которым он считал безусловно истинными. ^{и словесными были} ^{ой} Вместо относительности — в мироздании. Реально прав, когда утверждает, что Кант был страшнее Робеспьера, что он отрубил голову уже не королю, а Богу. Мы знаем, что

это величайшая, драгоценнейшая полнота, перед кото-
рой народная легенда об Илье пророке, витающая по
небу, представляется обоснованной научной теорией. Нитис
моих придет к своим выводам только приняв за несом-
ненное начало, за нитину Закон относительности
явлений. Пока он существует — жизнь есть только дви-
жение. Даже развитие ее нельзя назвать, ибо в слове
развитие есть уже понятие о „поступательном“ т.е. дви-
жении цели движения. Но Канту даже и движение отно-
сительное понятие, наше, человеческое. Значит и это —
произвольное определение. И, следовательно, в практической
жизни все равно, никто не стоит выше другого, неся жа-
леть несчастных, огорчаться, искать и т.д. и великая фило-
софия — это есть сумма всех философий — есть полная
индифферентность, требующая от нас во всем злодейства,
неостанавливающаяся перед убийством из-за пустяков.
Наш в объективном мире булыжники не камень малахит,
камень — алмаз, бура — нефть, так и в субъективном
мире спящий Иволжанин дурачок (не воле и) не человек
потерявший сон Брута. Пессимизм и оптимизм,
не говорящие об этом — не только в теории, но и на прак-
тике — не имеют права на существование. Они должны
уступить место легенде об Илье пророке.

Кант говорит, что познать „вещь в себе“ мы не мо-

жани, ибо для этого их свойства „должны были бы переки-
дываться в мою способность представления“. И эта неспос-
пособность случается основанием его теории. 'Он же (Н.)
утверждает, что непосредственное восприятие (Апперцепция)
есть такое представление, которое зависит непосред-
ственно от присутствия предмета. "А как узнать
о присутствии предмета, если он не переключается
в мою способность представления?"

Задача науки - объяснить необходимость чувства.

Ролла Мюссэ начинает так: „Я слышал много о том же
временах, когда все было счастливым... исключая Прометея“.

Восхваление в бою меде. Если Прометей был
так несчастен, то как же все божья и счастлива. И не
достаточно ли одного Прометея, что страшно со-
мненья всего счастливого человечества?

^{Объяснить} Объяснить необходимость чувства! Иногда мне кажется, что
Тамест и Брут - есть единственное изобразительное всего исто-
рического процесса.

К добру, к великому человечеству
можно прийти только посредством зла. Оттого - бру-
товское разрешение задачи кажется нам справедли-
вым, а медитативность Таместа - позорной. При этом,
2000 лет тому назад явился к людям, чтобы любовью
разбудить их к новой жизни. Но они не отвзвасили
на призыв любви. Они не бросили богатства, радости

покою, счастья, чтобы добровольно принять на себя луну
исчезающего царства Божия. Они не знают, что „претерпевши
до конца спасется“ И нет в мире такой силы, кото-
рая научила бы, могла бы научить человека любовью и
лаской той великой истине, что не во сне отрада.

Все эти бедняки, все несчастные, к которым при-
шел Христос, искали от него немедленного исцеления
и успокоения. Они приняли благовестие в царствии
Божием, как больной принимает наркотик — только
давать, чтобы забылся. Истощение — как прежде
невъяснимо — усыпляло людей. Вся наука — искала того же
средства для успокоения души. Но ни религия, ни наука
не в силах была достичь своей цели. Горе и несчастье,
как набат среди ночи, пробуждала каждую раз от
сна людей, чтобы напомнить им о жизненной задаче.
И теперь уже ни молитва, ни наука не успокаивает
страдающее человечество. Молитва не доходит к небе-
сам. Наука не умеет объяснить жизни. Божьё слово,
какое еще горе нужно будет принять человечеству,
прежде, чем оно проснется, чтобы больше уже никогда
не заснуть. Какоего Цезаря придется убить, с возе-
маниями Брута и Кассия придется пройти! В этом
необходимости зла, в этом — осознании его.

Разрешить этот вопрос — значит признать

ся жизнью. Знахитѣ, подгнѣтъ необходимость, сдѣлать
 судьбу¹ намъ ес назавоитѣ ес вѣтерекнѣиамъ отъгаснѣи
 собранинни — чловѣческой цѣли. Каждой чловѣкъ дол-
 женъ понять, что пока зло, порокъ, невѣжество существу-
 етъ на землѣ — это задача не разрешена. Никакое счастье
 одного лица, никакая красота, никакое совершенство — немо-
 гутъ и не должны примирить насъ съ жизнью. Счастья
 и красоты нужно искать. Въ нихъ цѣль. Но эта цѣль —
 не для одного чловѣка, а для всехъ. Вотъ того Христосъ
 осудилъ фарисея, воскликнувшаго: „благодарю тебѣ, Господи,
 что я не таковъ, какъ этотъ мытаръ“. Изъ филозофичес-
 киного бѣ нельзя было такъ упрекнуть, какъ Кантъ
 и Контъ, за ихъ глупость, если-бѣ по счастью, они
 безсознательно не принесли бѣтъ можетъ столько-жѣ
 пользы, сколько они сознательной глупостью при-
 несли вреда. Они ограничили область познаваемой и,
 признавъ таиничъ образомъ, что чловѣку нельзя выходить
 за известныя предѣлы, дали ему ложное успокоеніе. Но
 по пути они „отрубали голову Богу“ — и эти же сдѣлали
 больше вреда, чѣмъ думали. Чловѣчество еще не встрѣ-
 дало себя Бога — и его нужно было во что бѣ то ни было
 отнять. Теперь Богъ отнятъ у немногихъ — скоро онъ
 будетъ отнятъ у всехъ. Тогда проснется обезумѣвшее
 чловѣчество — и, бѣтъ можетъ, навсегда вѣрѣтѣ его.

Необходимость не условна, неограниченна, как думают Канты. Если бы это было так, то большого обвинения жизни, большого приговора — уже и придумывать не нужно. Необходимость абсолютна. Она в том, что не увидевши, человек не может знать, не испытавши — он не может усовершенствоваться. Кто так — таковой сия, которая обратила бы живое существо низшее — в высшее. Кто так — того гуда, посредством которого Каратаев обратился бы в Христа. Каратаеву нужно прожить сотни лет, столкнуться со всеми сторонами жизни, многое увидеть, безгнелнох множестве уяснить, чтобы выйти из оцепенелого состояния инстинктивной прикирели. Инстинктивно примирение! Это значит отсутствие всякого сознания возможности лучшего. Это то презренное блага, которое пока освещает 999/1000 человечества. Но оно будет у всех отнято, пока теперь отнято у некоторых. „Если есть Бог, говорит Китице, то как же я могу примириться с тем, что это — Бог — неа“. Если есть Шекспир, если есть сам Китице, то как же примириться с тем, что Каратаев — не Шекспир и не Китице. Когда весь Каратаев повторяет сразу Китице — наступит час пробуждения для человечества. Но, Боже мой, сколько у нас еще людей! И неужели много пути к тому?

Причина и следствие. Человеческое совершение преступления и вследствие этого лишился покоя. (убийств, обман, стрелы, сон, сон). Мелкая пошла в сон — она старая.

В физическом мире нет никаких переломов, нет и причин и следствий, есть только то или иное расщепление атома т.е. та или иная комбинация сил и материи. Прелесть атомов состоит в том, что они — по сути — равновесны. Сила их соединяющая не исчерпана, атомы тогда сохраняются. Но в психическом мире — атом стал взрывом — новое следствие. Еще причина — человек стал меня и полюбил его. И т.д. Бег поща.

Если та внутренняя борьба, которая изображается в трагедии не имеет самостоятельного значения, самостоятельного смысла — то для какой надобности, для какой цели служить трагическая развязка. Отчего в психологическом мире уже водятся, которые — как нельзя быти — являются бы и чувственную психологическую борьбу чувств героя пьесы? Отчего Гамлет умирает, Оливер уходит в чуждую, Манбетта убивает? Если вся их борьба — плод недоразумения, если — если все это, раздоренное бытие, попавшее в зеркальный магазин, то отчего бы Шекспира и других трагиков не закончить весело этот зрелище неоплаченной бытием безумствующих героев? Гамлет или Манбетта — дайте сами Оливер — в последнем действии урана могли бы

встретить старого, мудрого, опытного человека, который бы
развлек нас, нас сильно волновалась из-за призраков,
из-за того, что Клавдий - убийца, что мать - изгнана отцу,
что дочери прогнали старика - отца и поставили в бурную ночь
ночь открытые небеса. „Прикинься со всеми этими, скажи
богам и нам. Тут ничего ужасного нет. Может быть
дурная геометрия? Существует ли перпендикуляр
или кровосадная треугольница? Все треугольники, все пер-
пендикуляры - одинаково хороши, а все подчинено законам
необходимости. Как и у нас тот, кто возмущается тем,
что нельзя провести больше одного перпендикуляра из точки
на прямую, как и у нас тот, кто не спит по ночам
из-за того, что сумма ^{двух} сторон в треугольнике больше
третьей. Клавдий, Регана, Гокерн - это те же пер-
пендикуляры и стороны треугольников. Они все про-
даны необходимости, все подчинено необходимости -
и нельзя скорбеть от их несовершенства; они лучшими
не должны быть. Ступай домой, замлеть, вернись
к своим упражнениям, а если не на Орелию - она
умерла или съела союзу, о ней нужно забыть ^{она иной нибудь друг твой,} и
^{расчисти от Александры, или учувствуй акт} если пока дядя не уступит тебе трона. А не то -
то ведь знаешь, как можно потиропить время. А вот, а
лучший Лир - тебе всего 86 лет, тебе совсем буше-
вать не пристало. Поди на кухню и догнать -

Главное же - на второй день быть спокойным и не забывать Фортинбраса. Поминая его, помирись,
но умильшись. Это лишь продолжит твою жизнь."

В греческой трагедии человек не свободен в своих поступках. Он подчинен року. Судьба угнетает его героизм или преступник. Дюпэ убивает отца и пытается на матери, не зная, что она убивает. У Шекспира, по словам Мезиэро преступника, "потому что быть виновным и потому заслуживают того своим намерением, тем и всеми своими поведением оправдывая или наказывая"

Если бы ее Ларош не случилось несчастье - был умер бы король. У Шекспира - все еще умирает человек.

ШБ, р. 15

В Цезаре Шекспир изобразил созданный римской цивилизацией герой, 74 летний человек великий, человек противный всему дуновому смеху юности.

Шекспир умел понимать и передавать величие, как ни одна из великих драматургов. Но ему величие всегда представлялось осязаемым, содержательным. Он знает величие в любви, в ненависти, в несчастии, в оплошности, в служении красоте. Но он не покидает опасности, которую ищут из-за того, чтобы быть великим, несчастия, которые терпеливо выносятся, чтобы не уступить в силе

Александру Манедонскому, милосердия к врагам ради того, чтобы потомки внесли это в свои истопки. От того Цезарь так уменьшается перед Брутом. Цезарь - изобразить величие.

Брут - истинно велик. Принимает у Цезаря зритель - как бы разбойников, перед которыми еще в молодом возрасте и развешивает незнающее служение и страха величия - и ему не удается от себя. Брут - все остается Брутом во всякой

обстановки. Ему не нужно быть первым в дарении, а не
станет завидовать славе Александра македонского, он будет
жить с Порцией и Луцием — и останется великим, глубоким
Брутом. Цезарь актер — ему нужно поприще, сцена, чтобы
действовать. Его задача — хорошо исполнить свою роль. Бруту
возложить на историческую сцену — чтобы жить с людьми,
чтобы понять их нужды, чтобы научить их быть лучшими.
Оттого — он не позволяет себе играть, оттого — он не
играет Антонию, оттого — он отдает себя в руки коварного
своего врага. Играть — да же самую трудную роль не
удается провести маленькую жизненную задачу. А Бруту нужно
провести великую жизненную задачу. Он не думает о
своей нравственной чистоте, как воображает Брандес.
Его нравственная чистота — есть следствие всего его душев-
ного склада. Он ненавидит ложь, он великодушен, он
он щедр, он любит людей — оттого он нравственно
чист, а не наоборот. Но обратная психология именно
у Цезаря, потому что, чтобы сравниться с Александром
Македонским, чтобы быть и щедрым, и смелым и мети-
тельным, и кротким и ласковым, и правдивым. Бруту
о себе никогда не думает. У Цезаря его, а — всегда
на ум — большей частью — на язык.

Лирь говорит Корнелий: Лучшее не ради себя

Тебя на свете, чтобы никто не угодит

А потому
Возбужден, как и несогласен...
Как можно обо всем думать...
У нас болят. У нас болит.
Нужно думать о будущем. Нужно думать о
будущем. Нужно думать о будущем. Нужно думать о будущем.

Король Лир величайшее из существующих в мире произведений.
В нем ~~бессмысленно~~ рождается всечеловечество — не один старый король.
И, что больше всего поражает — Шекспир ~~намерен~~, ~~хочет~~ ~~хочет~~
уничтожить потерявших голову людей. Лир — это отчаяние,
бесснадажные, страшные впечатления не грехов, не слабости, не отчаяния,
несчастного ^{или} ^{людей} человечества — в нем безумный ужас отчаяния.
В каждой фразе, в каждом слове ницего — король трепещет
но измученная душа не видящая надежды ^{незнающей} человека. Все
современные искусство, ^{такая широкая} ~~признанная~~ ~~распространяющаяся~~ ~~великая~~ огромная
арсеналом ужасов — грабли, черепашки, кости, трупики —
не достигает и сотой доли той силы, с которой Шекспир
рисует восторг своего несчастного старца. И этот и,
не смотря на это, ^{гениальная} жизнь, эта же жизнь, ~~все~~ ~~в~~ ~~той~~ ~~же~~ ~~же~~
возможна эти ужасы, бедствия ~~и~~ ~~пред~~ ~~о~~ ~~решает~~
со всеми этими ужасами войдут оправданной и этой
великой трагедии. Никто до Шекспира так не обвинял
жизнь — но никто, — и в этом величайшем законе бессмертного
поэта — не убит так глубоко почитает ее правоту.
Лир — а ее жизнь всему человечеству — нужна необходима
эта трагедия; дайте Лире умереть спокойно — он
уйдет из жизни короля. Теперь — он умирает
человечески. Это увидит Шекспир заглянув в ту
страшную бездну отчаяния, куда так как он
~~уже никто не~~ ~~глядит~~ ~~уже~~ ~~одни~~ ~~нов~~ ~~стали~~ ~~люди~~ ~~видят~~

которому можно было бы слова сказать разваливающейся
зданию или идеализма. В том же ~~что~~ аргументе гротескной
виря, Мудра или спосили свой. ограниченный, маленький опыт
ноты материальной для упрочения великих сооружений.

Важность-все во падает на них дело эта гигантская задача?

Брандес отвечает по объективной, что это дело „сильной“
„что сама, по существу своему задача неразрешима и
судьба, ~~и~~ ^{испытывается} ~~мощностями~~ ^{мощностями}, которые в сущности
суть ничто иное, как разбавленные размышления самого
Гамлета. А между тем же И, наконец, оба эти ответа
он приписывает самому Шекспиру. Тогда — по крайней
мере последователь. Он находит, что кирпичи ~~отвечают~~
и задаче Гамлета и что все дело в том, что ~~это~~ сто-
ропитесь эти кирпичи. Брандес-же поступает
иначе: он кирпичи называет „сильной судьбой“ (это
назв и есть, ^{исправляют} ~~художники~~ ^{художники} ~~дополняют~~ ^{дополняют} систематика), а ~~у~~
старикитесь — об этом он и слова не говорит. ~~Наш~~
Анаборот — он заявляет, что так и складывается, что
потому-то Гамлет и ~~исключает~~ ^{исключает} ~~что~~ ^{что} ~~умест~~ ^{умест} ~~попадают~~ ^{попадают}
под эти кирпичи — ~~этого~~ ^{этого} ~~в~~ ^в ~~этом~~ ^{этом} ~~ноты~~ ^{ноты} ~~планом~~ ^{планом}
надежности (это называется художники ~~дополняют~~ ^{дополняют}
систематикой). Отсюда и получается этот ~~длинный~~ ^{длинный} ~~у~~
~~бессмысленный~~ ^{бессмысленный} ~~вопрос~~ ^{вопрос} ~~что~~ ^{что} ~~стало~~ ^{стало} ~~всех~~ ^{всех} ~~Гамлетов~~ ^{Гамлетов}, ~~вы-~~
~~ника~~ ^{ника} ~~среди~~ ^{среди} ~~людей~~ ^{людей}, ~~столько~~ ^{столько} ~~вы~~ ^{вы} ~~какие~~ ^{какие} ~~подходы~~ ^{подходы} — красивые,
остая никому ненужная. Это же ~~вопрос~~ ^{вопрос} ~~у~~ ^у ~~исполняет~~ ^{исполняет},

что-то зрелище красивой смерти трагического. Тут есть
 и слава, и гордость и удовлетворение. Тысячи глаз вы-
 глядят на тебя — пусть никто не смеет пока-
 зывать меня, пусть завидуют моему счастью. Трагедии
 все там же вьются, разгораются, глубоко, ~~даже~~ в душе,
 далеко от глаз людских — ^{не всегда} ~~не часто~~ даже и безобид-
 ная Ларсид под рукой пощечит. И чему-то
 подталкивает несчастную голову под кирпичи, келью,
 безмолвную, немую, когда можно уйти. И почему
 похвалять Ларсидов и прибавлять новые моноло-
 ги твои, которые уже все произнес, когда лучше
 посвятивать всем этим трагическим усталостям и
 разойтись по домам, пока эти грешат твои.

В Бурге не „Невероятно“, как говорит Брандес, а старый,
 усталый, грустный человек. ^у Просперо есть огни грусти. Вся
 жизнь была у него отчаянием: так столько и жить правды и души,
 на пустынном острове, грустном грубого Капитана и изгнан-
 ных кнута, востановить коварства своего рабского фронта. Теперь
 он вынуждается на прощание, теперь, когда, наконец, мирно и тихо
 вернется к предельному познанию — он чувствует, что вся
 жизнь его была. Оттуда его грусть — светлая и темная, в которой
 чувствуется сознание, что все пережитое им каре не напрасно,
 не случайно. Просперо — не идеаль. Идеальный человек и потому
 еще не Невероятно, удовлетворяющий себя тем, что это иная

достаточно личности, чтобы взглянуть прямо в лицо
непостоянству и неустойчивости человеческой жизни, кроющейся
за законами причин и следствий. Просперо - ясная осень,
осенняя, истая, может быть тучкою и тучкою в своем
убеждении - но не отрицающей ни весны, ни лета - и да еще
суровой зимой. На глазах у Просперо - Миранда, этот
милый, ^{святая душа,} пламенный образ - как зима новой весны. Мелан-
холлический - возвеститель безоднородности жизни - таинственный
обитатель ночи. Вроде его присутствие отрицает сабиту все
в жизни, кроме ^{сильности} ~~силы~~ и мятущей силы - взорнут в море
этой пустоты "ничего" - и не содрогнувшись. В небедном
посты Мексипра, ~~посты~~ пролинутой тихой грустью, как
высиданий чего-то неизвестного, слышится все там-и-си-
там глубокой верой в смысл жизни. Осень может быть
ясной и светлой. Только тогда, когда весна, зима и лето
насутель, когда труднее они ни были, не даром прожиты.
Возможительный итог прошлого - беспосильная настоящая
и будущая.

Брандес указывает на Гамлета Мая 18, как ваш бурный
ураган, как на претворителя Гамлета. Это - давно
уже было указано известной критикой (особенно ^{тиком} Милоши ^{160 лет} и
Гартом), и имеет свои глубокие основания. Какое же,
эта справка должна была бы как нельзя лучше объяснить
значение Гамлета, и можно показать, что Гамлет не М-

Брандес — он поступает наоборот: он забывает о себе
 самого Мексипира. Милый мечтательный меланхолик,
 проводящий дни в приятной грусти, высоких вздохах и
 невинных нападениях на жизнь — не подходит для Мексипира.
 Жакс — ребенок, юноша, похвально восторженный, что в моменты
 луча и боится достойного духа, чаше ладит по зеленой муравье
 и произносит печальные монополии в обстоятельствах слабости, в
 несовершенстве жизни. Розалинда говорит ему, что тогда
 модная он, который заходя от слишком далеко в своем
 меланхолии, обратит голову и больше, чем пьезица, подвер-
 гается носу выкалыва первого восторженного. Жакс просит
 себя путешествовать адежду — и Брандес, всегда зачехляясь, вооб-
 ражается, что это Мексипир полз наизусть. Невольно — Жакс
 отсюда замечает и знакомится с его психологическими
 складами, но может много вынести себя в Жакста, но
 не похвально Жакста с Мексипиром. Это та меланхолия,
 говорит Брандес в Жакс, все прилагательное восторженное с Мекси-
 ром, которую мы встречаем у ~~всех~~ мыслителей и великих ду-
 шевиков. "Наоборот — у великих душевных * мыслителей мы
 встречаем не полную грусть, но самообладание и меланхолию — и полную
 скорбь, которая отравляет нам всю жизнь, либо полную душевную
 ясность. Великий человек не знает середины — а меланхолик, в осо-
 бенности Жакс, есть компромисс между потребностью жить и
 приятно жить и — потребностью бороться со злом. Последняя

Сердитая зимою тьма мне гразит и бьет и раздражает гнет
 От холода дрожат мои — тогда с улыбкою и говорю: „Вот это
 Советник не есть; вот это выручит меня — Советники, которые отличны
 Должны понять мне, что такое я“. Да счастливо посиделись илаебу
Какъ мерзостной и аравитий зной, вно хранит неощеткнутый Чаша
Надъ черепом своим.

Сравнит эти слова со словами Жака и ясно станет,
 насколько поверхностно понимается Жак и как му-
 жонь допрашивает ее сама Менспирт. Чтобы получить
 ответы лучше уметь спросить. Век моголов Жака —
 это рядъ вопросов, так поставленных, что на них как
 будто и ответа спрашивающему не нужно. Менспирт же
 уметь отвечать. (Менспирт — драматург прежде всего.
 Лирические отступления у него далеко не так часты, как это
 думают тех и другие, а вместе с тем и Жак (Брандес), Якоб и другие не
 все слова свои только красят, которые надъ легкой остроу-
 мостью и зрелостью (сатирические краски).

„Много пишу и ничего“ одна из тех вещей, где особенно пора-
 жает преувеличенное отношение к драматургии. Менспирт — только
 бы слова — этот мир был бы расписанно узору. Беседуют и беседуют
 только зловонно, и слова только, и слова и слова, а не и надвигаются тупоу-
 мием и буржуазной лаской и зловонно, помогают как и слова и слова,
 что и в самом не и слова и слова и слова и слова. Не в том
 написана Визитация и „как как будет у нас это поучитель (оно, 1600).

Брандес находит немцыской первую сцену Лира. Это читателю должно и
довольно прямо установилось. Еще Лира называли
эту сцену немцыской, не понимая ни испанской, которую
подвергает Лир своим доулам, ни едущего ответа Карден
Есть молчать в обращении короля вопросы - есть нечто
странное, необычайное. Современный, натуралист писатель и позво-
лит бы себе заставить короля в это время как он садится
своих слов вносит и свои выразитель доулам допрашивать их,
насколько они со лжи. Но сцена в отъ отъ становится
немного менее интересной. Шекспиру нужно было показать
короля Лира - короля и в этом отношении первая сцена не зам-
ечна. Весь Лир оказался в ней: деспотичный, бурный, прива-
да доулам вранья, в течение которого он носит на своей голове
корону, считает себя центром всей вселенной. Ничто ни доулам,
ни Регана, ни Карден - есть его доулам. Кот Кекти - есть в его
придворном, доулам доулам и бурный и бурный и бурный
тот же доулам и есть как претендент на руку доулам, как ма-
ска некая в том или ином смысле. Доулам и бурный
всего в страсти повсюду показывается и не что развита в Лире
до необычайной и чувствительности чувств ^{сверхъестественной} доулам. В этом
и сила его - и слабость. Там, где другие люди и не ^{но} ~~представлены~~ сифтуют
бы себе вадъ тали, Лир чувствует себя смертельно одиозным,
как слепой принцесса, почувствовавшая надъ всемогущим
принцем королю. Там, где другие люди бы смирятся,

или сражались бы админы вздохом — Лира становится возмущена из
до глубина души. В этой чувствительности Лира и нахо-
дится ему аспект жизни, в этом ~~он~~ до крайности развитом
чувстве собственного достоинства, соединенном с полной независимостью
окраинного достоинства других людей — уже все объяснение и трагедия.

Принимая первую сцену, в которой толпа ярко проявляется основным
чертам его характера - и весь пьеса исполнена. Действительно тогда-
ли помыслил так страдал, ни заботы. Тогда не достигнет
будет крабьонуть и делаются расщепляются на искомую от нас,
то также не было задаривать и помыслил небагдурно и сест
жидкий ил пуралов, спасающей во всем всего расщепляются чарована.

Не в неблагодарности драм. Другой найдет и Дра, и ~~приводит~~
се может быть, как и в воспитании благодарной привычки ставит
на ~~первое~~ и впереди всего охрану своей ^и чужой чуждым
благосостояния - припрятать, да и догадаться, лишь бы не давал
вспроисимому погов, в орду и буре, в поле. Дарт - немошь при-
чарит бы и этикет. И первое сего одержим с нами это. Быва-
ют случаи, как возмущают наши чувства, и несправедливо, без этих
вопросов, возмущающие и др. Но это - и не важно. Несом-
ненно, что эти вопросы и ответы ^и были в высшей мере Дра
на посту и при, вполнующие своей полнотой с душой
сказки. А это только и учило было Мекенду и, конечно, и
оно же использовалось драматургом, добавив ему только счастливо
возможностей сразу показать нам Дра - и все хорошо.

В Гамлеті, какъ литературномъ типѣ, уже столько писа-
лось и говорилось, что Брандесу трудно было придумать что
нибудь такое, что до него не было бы уже высказано други-
ми критиками. Читатель не менее главъ его книги о Гамле-
тѣ, какъ Гамлету, представляютъ особенный интересъ.

ШБ 50

м 5

Начало

Въ концѣ, какъ и въ главѣ о Лирѣ, дается отвѣтъ на
основной вопросъ книги — о міросозерцаніи Шекспира.
Могъ уже говорить, что ~~Шек~~ Брандесъ считаетъ,
какъ и многие другіе критики, Гамлетомъ сатириче-
скаго Шекспира. [Въ концѣ прощай, такое же мнѣніе
высказалъ и Мэлл, что особенно любопытно, какъ образили
того, до какой степени люди, въ погоню за доказательствами
своей теоріи, научаются не видѣть всего, что можетъ
поколебать или обосновать систему. Тотъ Мэлл, ко-
торый говорилъ: „все двойствующія лица у Шекспира
принадлежатъ къ одной семьѣ. Фобосъ или Зевсъ, грубый
или деликатный, унылый или радостный. — Шекспиръ всѣхъ
нихъ наделяетъ однимъ душевнымъ складомъ: своимъ
собственнымъ. Въ драмѣ изъ нихъ людей воображае-
мыхъ, лишенныхъ воли и разума; онъ у него — машина
одаренная страстями“. Тотъ же Мэллъ говоритъ:
про Гамлетѣ: „Гамлетъ, ^{говорятъ} наполовину безуменъ и
это объясняетъ энергію его вращеній. Нѣтъ — да
въ томъ, что Гамлетъ — самъ Шекспиръ“. И получается,

что Гамлет — существо лишённое разума, что Гамлет одаренная страстью машина, — Гамлет, который только и делает, что размышляет. У такого вавода и не могло получиться, при его упорном стремлении прочистить себе путь для системы. Они и у Шекспира — а с ними и у Гамлета отняли разум, как только этот разум стал на дороге. Но Брандес „дополняет и исправляет“, и у него Шекспир с Гамлетом выходят совершенно новыми. Они ~~не~~ ^{сам} вглядываются на жизнь с грустными недоумениями — и хотят Шекспиру наказать то же отношение. Гамлет — по словам Брандеса — прежде всего „гениальной человек“. А уж было некаким Шекспиру модели для гений, как не в самом себе. Ему „не нужно было делать никакого творческого напряжения, чтобы превратиться в Гамлета“. Конечно, если Гамлет — Шекспир, то ему прежде всего следует быть гениальным. Тогда ^{нужно} (придется) очень много и ~~он~~ ^{нужно} будет писать с самого себя. Прежде всего Гамлет притворяется сумасшедшим. Это значит, что он было не справился с Клавдием, убившим его отца и похитившим у него трон. Но для Шекспира, по Брандесу, возможность заставить Гамлета представлять безумия была соблазнительнее по ~~интересности~~

раменная м'очена, разсудатъ в несовѣршенствѣ людей
и жизни. Но Ясакъ со своей меланхолической вѣнцомъ
концовъ ~~меланхолической~~ полный ребенокъ. Это надежда
очистить грязный мещудокъ міра при посредствѣ
мучованаго народа - нигде, кроме епископическо-поп-
ушій чуждого человека не могутъ развѣтѣ.
Впрочемъ тѣмъ своимъ, очень молодымъ людямъ, однокласси-
къ взоромъ раздражаетъ и Розалинда говоритъ ему,
тѣмъ тѣмъ люди, какъ онъ, отбратительна и больше,
тѣмъ пѣвница ~~недоступна~~ подвергается насиль-
ства перваго вступленія. Розалинда, пожалуй слиш-
комъ строга къ грустному мечтателю, ибо въ концѣ
концовъ Ясакъ все таки очень невѣжливый человекъ, ко-
торой находитъ больше пріятности въ грустномъ
размышленіи, чѣмъ въ блестящемъ остроуміи,
потому что съ такой щедростью подвѣсила судьбу
Розалинду, ^{а въ дѣлѣ этого вѣща.} Однокласси, монотонность еще вовсе
не такой порока. Но какъ строго, какъ неосла-
бленно звучитъ въ устахъ почтеннаго критика
готовность подставить подъ фигуру Ясакъ самого
Шекспира. И, главное, сущность и значеніе Ясакъ
не скроется отъ Брандеса, ~~нѣтъ~~ Въ главѣ, посвя-
щенной специально разбору этой пьесы, Брандесъ
прямъ предлагаетъ читателю, что меланхолическій

Ясана не так чужда. Она — лишь „мелочливый
 Номидий“. Его возмущение против людей есть
 лишь потребность юмориста, желающего дать свобо-
 ду своим сатирическим отрывкам. Какими же
 образами устами этого невинного младнца ста-
 нет говорить Шекспир, ^{хот} ~~хот~~ в ту эпоху, когда
 была написана „^мночь во имя это поправит“
 „Ромео и Джульетта“, „Ришард III“ и другие
 пьесы свои? Шекспир, конечно, понимал цену
 своим этим пружинам размышлений, которые,
 в сущности, дали тогда, когда они принимались
 видимо с такой мрачной карактерной свидетельст-
 вуют лишь о некоей надвигавшейся чуме. ШБ
стр 51
 Ясана занимает место и для нас представляет особый Вас
 интерес, ибо в нем можно с большой степенью ШБ, 52
 уверенности видеть жизнь человека, о нем же Гам-
 лету. Или еще лучше — Гамлет, не потонувший
 на серьезную жизненную задачу, Гамлет, который
 он был при жизни ^{своей} ~~отца~~, до той поры, когда
 „распалась связь времен“, ^{но} ~~тогда еще~~ ^{но} ~~когда она еще~~
 ходила в школу в Виттенберге, прежде, чем (мозги)
 судьба сама взяла в свою школу, чтобы показать
 ему ~~такие~~ „то много на небе и земле“, что не
 было еще ни южной мудрости Горация. Виттенберг-те

наше тит
и сам по себе. Записки свои, ~~Жан~~, приобре-
тает новый интерес, являясь в некоторой степени
идеологией из одной из величайших книг в мире.

Гамлет в своем знаменитом размышлении обитает не в том
потисе размышлений, вопрос о жизни и смерти и размышлении, вопрос
о смерти. М.с. ий неистового прироста к извращению. Наоборот
нужно отбросить путь к смерти, от извращения к неистовому,
тогда можно изобрести с помощью вопроса. Но Гамлет не изобретает: он неслышан!

У Гамлета намереваются всеобщие арканы: он не изобретает, но Ритор,
и говорящая Ля, и угодливый, как Писсар, и изуродованный Ракетер
и т.д. и т.д. и т.д. "не" и неслышанно. Но из этого "не"
получается много, да. Он, как и все, все что-то да во всем аркане
Но он не изобретает "подлинный всеобщий свой" Гамлет, как Баден
актер, и изобретает любовь Верки, как Ромео или Биско Лабил
Дураком и т.д., и изобретает свой дурачок и изобретает, как
сладкий Кордус и дурная она все изобретает на разную, и не
называет убитую свою мать.

У Саломеи Ураки антика и т.д. и т.д. и т.д. и т.д. и т.д.
ураки и т.д. и т.д. [8р. 485].

Брута глубоко любить, чувствующий и чувствуемый — Брута
и потону — и думает смерти. Гамлет — наоборачив. Ему
проживи битва — и он бы был смерти.

"Я голубь мучимостью; во мне ничто не есть и ни одна сторона"

Может ли Гамлет признать подобный слова? Это не похоже на него!

"Горькая обида — вожделенная. Не горькая — забуду." Гамлет знает, что
ничто не есть, что та голубь мучимостью? Природа создана без
котей и зубов, при этом наделила ее прочностью, ~~ничто~~ сказала когда то
Гамлет. Может ли он быть пригнанным в голову человека на несправед-
ливости природы? Если ничто не имеет защиты, то мирский человек
счастливый и добродетельный. И наоборот: Котей и зубы являются в нем
как наказание и клятва, несут утрату того, кому "горькая обида"

Не случай но, сильной судьбой, "перерождается в главную роль то
миланский, терза, превращающий масел в духи", как начинается рассказ о Гамлете
Гамлет. Таких первых еще ни один человек не испытывал и отча-
ивал. Нужно перестать быть собой, нужно чувствовать перемены
и первая не будет рана. Гамлет знает это и знает это, когда
увидит себя неготовым к подготовке к великому делу.

Примите у него сознание того что он ощущает своей "важной", и на-
те его способности вспоминают о духе своего отца, и при этом в нем
его совет и Гамлетовская трагедия невозможна. Гамлет отча-
ивается в Яна, который, будучи ничем котей и зубов, не имеет уже
огоречен и смириться.

Бриндес говорит, что М. не держит руку, когда он
писал Лизу! Но это требует у писателя охоты,
это упрямство, что не на клавиш, где сидит с собою. У
А. М. Дюма
После турки фелиты и у него рука не дрогала. Ма
во у нас в смерти Дюма и в прощении дура - похороны?

Каких превращений можно было бы сделать.

К счастью Меншира. Лучше, что можно сказать о счастье Меншира, теплоты, —
то, что он входит в Брута и не одной палочкой подозрительности Бриндес
на таком роде доброты. Ему посвящают он свою лучшую трагедию —
она еще и теперь называется именем — ему и потому отражен
му образу в союзе морали. Независимая душа, независимость! —

в чем здесь идет речь! Нет, черт, который был бы слишком велика
длинна: ну что у нас фелиты на смерть даже ^{самые дорогие} ~~лучшие~~ воины
дружат, будь они при том же фелиты человечности, украшением мира,
не знающим себя равных величии — если только любил свободу, как
свободу великих душ — и так этой свободой грозит опасность: так
должны быть чувствования Меншира. Восток, на которую он возводит

Дюма, есть лучшая вещь, которую только он мог оказать Бруту:

только такими способами он может оказать Бруту: ^{это грандиозный} ~~внутренний~~ ^{показывает}
с него всякая душевность и пылающая.

он и ~~еще~~ ^{потребно} для их разрывания — и только не политическая
свобода винула поты сочувствия к Бруту, сдвинула его сдвинула
книжки преступлений Брута. Или политическая свобода была только
символической для тех, кто не находившая себя вравлении в словах?

Вот может быть стоит здесь пред нами или т. е. т. е.

2 ¹ ^{свои}
 озабочены и неостанавливаясь из жизни души поэта, о котором
 мы не можем не сказать, не верить ни в знаки? Это все гадать, а не
 меланхолия сравнительно с меланхолией Брута! А бот в порыве
 ту, и оручи Икенция знач из пикара брата! Может быть бот
 у него свои шутки, как и у нас, надобно Бруту, иными своим знач
 духа! Но сколько бы обидно жаль иници не было, ^{таинство} ~~жизни~~ бот
 неспроста или не бот в связи — перед образом и добродетели
 Брута Икенция нам ниц, чувствуя себя дажким и недостойным
 своим краем, и это отнюдь не в такой трагедии. Два раза является
 в ней пытка и два раза некто изливается столько истерик, и то
 и прекращительный презрания, что эти звуки то же ^{воле} ^{воле} ~~жизни~~ ~~жизни~~
 презрания из самого себя. Брут, сам Брут терпит терпение,
 когда приходит ^{самовластный} ~~сам~~ ~~жизни~~ ^{востороженкой}, какою жкой, и ани
 обжесивно ботом поэт, и не суть высокопарно ботом
 о возмозможности вселенной — та же и нравственная — в философии
 действий и жизни само собой достигающей обложкой истины. „Вот где
 мы знаем Брута, то с' знаем о какою, и рожо шутит пестрой шутки“
 восклицает Брут. Ну же перевести это восклицание в душу поэта,
 со своим ^{своим}

III, IIII

104-105

старика, сразу, не давши ему даже опомниться, себе же
на злость: в אותו торопий.

Не проклиная судьбу, сложив руки, плечи наши, а изучая эти
средства, которыми она и колит людей и эти злы, и потому
она ведет нас — в том, чтобы сознательно проводить нас
в жизнь.

Каторжники и ператки говорят: не убий — не потому, что тот, кто
тот убивает — умирает. Это, несомненно, а потому еще, что тот, кто убивает
будет преступником. И в убийстве убийца будет страшною собакой, а не
убитой! Каторжники и ператки с тем же успехом, а точнее бара-
баны существующих отношений и они принимают отношение за
"сущности" и "наказ".

И свои внука они припекают не только Гамлету, но и
Шенширу. Внук Гамлета возмущается, успокаивают, убаюкивают
его, что он ^и ~~метит~~ ^{Ному-то} ~~твое~~, ~~которое~~ ~~наполняют~~ ~~своими~~ ~~пустыми~~
~~идеями~~ ~~землю~~. Но Гамлету не до их уверений, ~~и~~ он,
~~к счастью~~ ~~Синимов~~ порою чувствует, что его литератур-
ная миссия изгнательства надгробников и бездари, пропо-
вядь предсмерть, да размышлений над черепами — и зам-
нают душу, что, боже, только все блестящие прочтения его
литературного дарования свидетельствуют лишь о его нес-
частии. Гамлет ^{вспыхивает} ~~еще~~ ~~вырывается~~ из ~~отвеса~~ ~~своего~~ отв-
еченностей, которая загубила его. А Брандес хочет
убедить его, что ~~авра~~ ~~вырваться~~ нельзя и, главное, не нужно.
Что если только ~~глаголющий~~ ~~(говорят)~~ ~~голоса~~ ~~с~~ ~~того~~ ~~свѣта~~,
да если мать его окажется пробо) умеет хорошо разсказать
о том, как убил чужого отца, собратили мать, да пожелать
с черепом в руках, да похолодевать, да потосковать — то
у него уже возмущенней дух, вьлучил, ~~он метит и~~
а чего может себе больше желать смертной? Но Гамлет
уже не примет слов Брандеса. Возмущенность и коро-
мство собственной души у него имеет лишь того, кто
пройдет вительная чужая жизнь из книжки узнать.
В Виттенберге Гамлет не произносил ни слова
по поводу Искуда, ни размышлений по поводу Фортинбраса.

тогда он, подобно Брандесу, был убежден, что методу
против „тщ, которые наполняют землю шумом“, велич-
ивая борьба он выполняет великую и серьезную миссию.

Теперь Гамлет во всех своих монологах, даже „Бит-
лине Бит“ называет себя трусом. И это — настоящее
слово. Гамлет — трус. Не в том, конечно, смысле, как
Фальстаф. С пиратами принц храбро сражается. Но он
трусит перед жизнью, в нем нет величия, силности
выйти на ветру ответственности и он, подобно тому
негодный солдат бегит от ее трудных задач в про-
ладу наудбицеской философии. Но тем же бодрым принцем
называет себя, Брандес — все та же радостная, сообразная,
как ^и он с Гамлетом — глубокие и умные и хорошие люди,
~~как~~ вспоминает, как не жить мертвым и не жить
говоришь. Мало того он и Шенспира зовет в свое
общество, уверяя что он разглядел недостойное человека
умнение перед собственной слабостью. Но, повторение,
не только Шенспир — Гамлет не протянет руку Бран-
десу. У Гамлета в самом деле убили отца, перед ним
в самом деле распадается связь времени. Ему ~~так~~ не
до сам утешения. И все же упрям, которые он себе
уделяет, выражение его мнений о себе. Если Брандес
~~пока~~ раз и мир — то Гамлету кажется пошлым,
жалким и ничтожным. Он не живет, а терзается и

мелкое копирование... и т.д. Читатель не знает, невинность Брат-
господская / пессимизма есть самое

И мы видим, откуда происходит пессимистическое настро-
ение Гамлета и как оно связано с ним. Шекспира, отсюда Гамлет
несчастен и за ним Гамлету нечего.

Итак, что представляется, что по этому поводу можно
представить себе. Вопрос поставлен совершенно правильно-
но. Это образцы того, как в Брандесе, художники дополняют и
исправляют не очень хорошие оригинальные сравнения, "ученую мифологию"
добавляя, как-то слова и отрывая от них некоторые вопросы.

Зак. Пессимизм — абстрактный, а не конкретный. Вспомните, как это.

Гамлету своему пессимизму не хватает по необходимости приращений и приращений.

На этом же

по поводу провозгласил 34 р

На этом же значительные обзоры книги Брандеса. Как зам-
мана общая идея, вкратце

„Манихейство образовано Брандесом

Морские же разбиты

Многие ^{мрачные} ^{тучи} ^{сплели} ^и ^{небо} ^{снова} ^{настолько} ^{стало}
происходить над Империою. Но видному Империю освободили

от тех тяжелых мучительных, после того как ему в вопиющих
в образе свои ^{мрачные} (настолько); только теперь, когда после того

как в течение многих лет все возраставшее сесендо достигло

арайнцо fast, ^{когда же не было бы} ^{дальше} ^{заверше} ^{большая} ^{все}
после того, что все человечество пошло от чужа, поворот Брандеса, у Брандеса

и самоубийства (Минион Вандер) ^и ^{попытка} ^{идти} 819

Визуально, виз перестройка, дикорядна прожия. Визуально, визуально, визуально

полюща возмущений. Что такое случилось? Потупились все

визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

Визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

Брандес, Занежники, Империю прикидывает к Минион

Визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

Визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

Визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

Визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

Визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

Визуально, как прежде, все и арка. Зеркало же было стилизовано

[illegible]

росе. Стеснено до forte fortissimo - чего можно еще желать?
Менор, отендо, да ~~Минус~~ ~~оттенение~~ ~~Пити~~ ~~Искреще~~ ~~переломит~~, ~~мил~~
радна прощало. Все эти самые ~~серьезные~~ Какъ видите что атлет,
Брандее не измѣняетъ себя. И музыкальные термины — и модификации
толкованія ихъ строго удерживаютъ раздѣленіе въсю фразу, какъ въ слов
и стеснено — и переломит; и forte — и лихорадка съ возгореваете.
При томъ разражавшаяся туча, голубое небо, потухшее солнце. И это
должно намъ объяснить переломъ въ творчестве величайшаго поэта.
А вы прощало, Франкиел, и потомъ когда ^{Франкиелъ} вскинула Франки, и
все прощало, бали испрачена — стоить чистота. Это случилось "опр-
чиваетъ критикъ, ~~Франкиелъ~~ в это

III

III Б
482

На ^{обзор} ~~разбор~~ ^{вним} ~~книги~~ Брандеса. Мы
не афишируем частностей ^{вопроса}, которые представ-
ляют во всяком случае второстепенный интерес. ~~Наша~~
Мы хотим лишь сказать о том, ~~скажем~~ ^{скажем} задачу. Это
наших датских критиков, в ~~Шенкель~~ ^{Шенкель} вдохновленный
тотом в Шенкель. Наше любопытство было лишь в том
книжке, в чем должна быть роль критики, для которой
вспрашивается универсальность, закона причины и следствия
является единственным источником вдохновения.
Брандес — не единичное, случайное явление. Визуально
рассуждают о том. То, что он говорит, говорят —
Наша задача состояла лишь в том, чтобы охарактери-
зовать собой направление, представителя которого
является Брандес. «Сильная и жестокая судьба, чуждая
жизни и доброты, излом, ~~недоброжелатель~~ и коронный и дурной,
определяющий собой человеческую ^{жизнь} ~~судьбу~~ — теперь у нас
на языке, как самое модное, самое популярное слово
науки. Истина эта ~~уже не нова~~. Иначе сказать, она
старая, наша старая. Но в прошедшее время она была лишь
фактом, неким фактом, теперь — ее знают все, и именно
теперь, когда «все» стало ^{чуждым} ~~чуждым~~ и философским,
сложным и прелесть всего проявилась ^{сплошной} ~~сплошной~~ и по обеим
сторонам этой доктрины. Ветер, как известно
ищущий ^и ~~и~~ приятных истин, с которыми можно

мирно и удобно жить на свете. И оказалось, что снепти-
цизм представлявший всегда столь страшным учением, принята
в конце концов вовсе не страшен и даже приходится ^{многократно}
по плечу самому маленькому человеку. И лишь оказалась ^{в котором}
по плечу снептицизм, который всегда представлялся
столь страшным и таинственным. ^{только} Все знают, что и Пьер
все от рождения знает, что "человечья бедность, двукое
жизненное", что никто не знает название женщины, что не знает
что то в датском королевстве - и ничего, они живут спокойно
и радостно. Мир, когда ему открывается страшная истина
сходит с ума, теряет безумствует - а все разуждаются
или ~~то~~ пишут книги, как Брандес о "сильной судьбе".
Медуза укрощена современными человеком и возбуждает
в нем не страх, а лишь одноприятное недоумение - в конце
концов да же приятное, покоящее на то чувство, которое возбуж-
дает в юности доносящееся до него в сумерки тот отдаленно-
звук музыкального инструмента. Мир, когда узнает, что
человек только беднее, двукое же ~~жизненное~~ доходит до крайних
предельных отчаяния, теряет, узнает, что мир - тюрьма,
просит себя смерти, Милтон Адамс, разочаровавшись
в жизни, укладывает в гроб и выкидывает, - а Брандес
пишет книги с отборными словами. Брандесу, ~~не так~~
~~жизненно~~ хорошо, и ~~чуждо~~ ~~нечто~~ ~~нат~~ ~~на~~ ~~и~~ ~~большинству~~
людей, песни и жизни не означает. Для него это - теория

которая существует лишь затопит, чтобы писатели писа-
ли о ней, а читатели — разоблачали. И поэтому мы
так легко объясняем себе перелом Шекспира от трагедий
к драматическим драмам: „... Шекспир перестроил,
лирическая проза, началось возмущение. Оттого проза
„лирическая“. Брандс ~~называет~~ ^{говорит}, что к
Шекспира ~~много~~ ^{много} ~~появилась~~ ^{встреча} с ~~мало~~ ^{мало} ~~обозначено~~ ^{попытка}
женщиной. Это все события врандизм его взгляды на
творчество Шекспира. Брандс ~~не знает~~ ^{не знает} так наивно и
боится пессимизма, ~~который~~ ^{который} ~~всё~~ ^{всё} ~~говорит~~ ^{говорит} ~~столь~~ ^{столь} ~~страш-~~
~~ными~~ ^{счастью}, что ~~важно~~ ^{важно} ~~упустит~~ ^{будет} ~~до~~ ^{до} ~~всё~~ ^{всё} ~~мира,~~
Томпета, Отелло и Макбета ~~мало~~ ^{мало} ~~заботит~~ ^{заботит} ~~при~~ ^{при} ~~встрече~~
с ~~обворочившей~~ ^{обворочившей} ~~женщиной~~. Конечно ~~гир~~ ^{гир} ~~вещь~~ ^{вещь} ~~такая~~ ^{такая}, кото-
рая от трагедий знает по Шекспиру, Декину, Софоклу и на
~~литературном~~ ^{литературном} ~~при~~ ^{при} ~~по~~ ^{по} ~~иним~~ ^{иним} ~~читателю~~ ^{читателю} — это ~~возможно~~.
Но для Шекспира, ~~который~~ ^{который} ~~и~~ ^и ~~который~~ ^{который} ~~во~~ ^{во} ~~знают~~ ^{знают}
~~о~~ ^о ~~которой~~ ^{которой} ~~существует~~ ^{существует} ~~лишь~~ ^{лишь} ~~трагическая~~ ^{трагическая} ~~красота,~~
и не ~~иним~~ ^{иним} ~~книжки~~ ^{книжки}, для ~~того~~ ^{того}, что ~~ему~~ ^{ему} ~~кажется~~ ^{кажется}, что ~~жизни~~
~~жизни~~ ^{жизни} ~~только~~ ^{только} ~~одна~~ ^{одна} ~~из~~ ^{из} ~~взглядов~~ ^{взглядов} ~~на~~ ^{на} ~~жизнь~~ ^{жизнь}, ~~одна~~ ^{одна} ~~из~~ ^{из} ~~теорий,~~
~~которой~~ ^{которой} ~~держится~~ ^{держится} ~~при~~ ^{при} ~~писутся~~ ^{писутся} ~~трагедии~~ ^{трагедии}, ~~в~~ ^в ~~то~~ ^{то} ~~время~~ ^{время}, ~~как~~ ^{как} ~~о~~ ^о ~~у~~
~~жизни~~ ^{жизни} ~~эта~~ ^{эта} ~~такой~~ ^{такой} ~~взгляд~~ ^{взгляд}, ~~при~~ ^{при} ~~котором~~ ^{котором} ~~писутся~~ ^{писутся} ~~комедии~~.

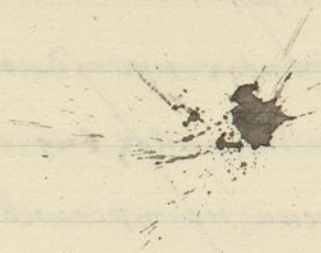
Этими же закончили обзор книги Брандеса. Точнее говоря, ~~обещав~~ ~~и~~ ~~на~~ ~~привести~~ ~~дальше~~ ~~еще~~ ~~небольшой~~ ~~отрывок~~ ~~о~~ ~~Шекспире~~.
~~Видно~~ ~~да~~ ~~и~~ ~~на~~ ~~примечания~~ ~~Брандеса~~ ~~наиболее~~ ~~типичные~~
~~пред~~ ~~выразителем~~ ~~той~~ ~~души~~

III B
 стр 282

и ~~также~~ ~~Ватсон~~ ~~критик~~ ~~возникает~~ ~~приводит~~ ~~только~~ ~~еще~~
 одну ~~небольшую~~ ~~выписку~~ ~~из~~ ~~сочинений~~, которая

... ~~также~~ ~~закладывает~~ ~~Брандес~~ ~~обзор~~ ~~второго~~ ~~периода~~ ~~жизни~~ ~~Шекспира~~. ~~В~~ ~~этом~~ ~~процессе~~ ~~"~~ ~~лихорадка~~ ~~"~~ ~~спрашивает~~ ~~он~~ ~~себя~~ ~~и~~ ~~отвечает~~ ~~по~~ ~~обнавлению~~ ~~городской~~: ~~второй~~
 Шекспир ~~встречает~~ ~~обворожительную~~ ~~женщину~~, ~~которую~~ ~~принимает~~
~~за~~ ~~свою~~ ~~женщину~~. ~~Все~~ ~~это~~ ~~в~~ ~~результате~~ ~~на~~ ~~в~~ ~~словах~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~этом~~
~~городке~~ ~~читатель~~, ~~это~~ ~~замечание~~ ~~и~~ ~~эта~~ ~~городка~~ ~~на~~ ~~какое~~ ~~использование~~
~~больше~~ ~~отражает~~ ~~в~~ ~~речь~~ ~~как~~ ~~входит~~ ~~читатель~~ ~~Брандес~~ ~~и~~
~~эту~~ ~~о~~ ~~жизнь~~ ~~многозначность~~. ~~И~~ ~~медицинский~~ ~~соображений~~ ~~(лихорадка)~~ ~~и~~
~~музыкальных~~ ~~сравнений~~ ~~(crescendo, forte)~~, ~~и~~ ~~художественных~~ ~~проницательность~~
~~векность~~ ~~(обворожительная~~ ~~женщина)~~ ~~—~~ ~~все~~ ~~это~~. ~~Критик~~ ~~с~~ ~~пожилого~~ ~~сердца~~
~~приписывает~~ ~~Шекспира~~ ~~с~~ ~~каким~~ ~~стабильным~~ ~~этим~~ ~~этим~~ ~~знающим~~ ~~обстоятельством~~
 Шекспир.

Бран На этом ^{за}мечательном обзоре книги Брандеса. Как бы
 видный читатель задача критика ^{изна}готовить в том, чтобы
 изобразить Шекспира философом пессимистом, Жизнь по
 правит счастия судьба, ищет жизни — смерти — счастья, и
 и кичтоско и зло, участь Брута не привлекает нас,
 единственно, что может дать человеку — это размышление
 о том, что называется скудным и маленьким социальным
 вопросом и писать по этому поводу трагедию, а затем, *cultiver*
son jardin " На этом нужно и можно примириться, ибо
 так же сдвигает сам Шекспир. Великий поэт много болно-
 вал, но, в конце концов убивая, что ничего не поощряет —
 и перестав болновать, " Лицо раба прощало, потом, пере-
^{сперва}терять и начать писать спокойные драмы, а потом и вовсе перес-
 тав писать, удаляясь в свой Стратфорд и дожилая там,
 свои дни. Все это очень современно, ~~Все это~~ И медицинские терми-
Брандес ~~является~~ выражением объяснения и музыкальное
 с теркина, и художественная проникновенность. В общем —

все втайне передал в распоряжение поэта, чтобы, образам, милозвучно
 Когда поэт перешел к изложению впадения. Звучит так,
 Ибо-ти некто Гоголь да гоголь поэт Кенский. Или, Мещеряков при-
 мучен счастием, догадка всегда с обтравившейся мещеряков.
 Маша Франц мучилась мучилась зима тогда что случилось много
 и не сарказм, а только в книге писали, что мучил страстию.
 Все эти случаи соображений в книге. Мещеряков мучил некто.
 припробавот зима собой приверженную зима, сарказм из поны
 ортловой сарказм. Это при Маше припробавот сарказм и
 Мещеряков а сарказм Франц, мучил, о зима, и мучил, да зима, сарказм
 мучил сарказм сарказм. Критика зима, или Мещеряков
 Кенский

III и Б стр 282

Дать же закончить обзор книги Брандеса. Наша
задача состояла не в том, чтобы дать критическую выставку
своей задаче, а защитить Меншера от фальсификации,
оспаривающей его право называться автором своих произве-
дений. Поэтому мы ограничимся разбором всего пяти
главных пьес Меншера, ибо задача наша состояла не
лишь в том, чтобы ознакомить читателя с общей идеей
Брандеса и приемы его литературной критики, но и
задоказать, что книга Брандеса не имеет ни

На этом же закончили ^{обзор} разбор книги Брандеса.
 частной ^{от менепрозии} вопроса, ^{мажасачив.} которая подтверждает убеждение в своем
 труде датский критик, ~~как не так интересовали, да~~
 ма. Как интересовала лишь общая задача, постав-
 ленная ^{им} себе. Брандес хотел выяснить, как чувство-
 вать и думать Миксир, ~~Евва-ли как не может ма~~
~~ска и сдвали судна настоящая моментная мажасачив~~
~~найти там, больше насущно. Если бы он стоял на~~
~~высоты своей задачи, сего не бы сократили, критик~~
~~и, как читает, и на но вместе этого критик~~
 рассказав нам о том, что думал, но чего не чувство-
 вать он сам. И поэтому-то его книга является
 типическим, в высшей степени характерным образ-
 цом новейшей литературы; ~~еще и когда, мажасачив~~
~~в такой мере не была значительна Евва-ли-ли~~
 прежде потому-ли она дает самое доброе и извращен-
 ное представление о величайшем из всех, когда-либо
 живших поэтах. „Мелит“ о том, до чего те же
 книги миманого дала, самое легкое и приятное за-
 нятие, но вместе с тем самое вредное и праздное
 дело. Но объективно, что в новое время чув-
 ств не каждой человек может быть писателем-
 не просто случайность. С тем же по-

Но ей не можешь судить, не тему сводится внутрен-
няя работа души современного человека. Нам и самим ~~подобно~~
~~Брандсу~~, он — только „мелит“, т. е. иными словами
он находит разнообразная слова для происходящих
на его глазах явлений. Этот ^{безупречный} ~~запечатленный~~ процесс
на вполне удовлетворяет его. Ему ничего больше от
жизни и не надо. Он безучастно, равнодушно смотрит
он вокруг себя, заранее готовый все принять, со-
вершенно соглашается, ибо он хорошо знает, что его
собственная жизнь пойдет совершенно независимо от
того, как какие результаты приведет его „мелит-
чение“. Эти же „мелиты“ и создали душевную атмос-
феру той лоси и инерции, среди которой задыхается
всякий сколько-нибудь живой человек. Самоудовлетвори-
мый, самодовольный пессимизм представляется им
лучшим утешением человека, ибо он избегает
от участия Брута, которая „не привлекает“ и
оправдывает спокойную и приятную жизнь по про-
грамме „il faut cultiver notre jardin“. Пессимизм
~~это~~. Участие Брута „не привлекает“ и, а пессимизм —
привлекает. Не много нужно противостоит,
чтобы понять такой вкус. Очевидно, они у песси-
мизма записывают лишь одни слова пессимизма
и не могут внести, ибо все, что есть в нем утас-

словами объясняет переход Шекспира из послеполемического периода творчества: „^{Этот} Шекспир „воплотился в образ“
своем личителем, масли, лихорадка прощала, и вот неслыханный —
него „пессимизм“ получил развитие. Только человек
решительно не знает, что значит „пессимизм“ может
также говорить. ^{Все} ~~это~~ слова, как и все в книге Брандеса
~~и~~ свидетельствует лишь о том, как мало было дано
датскому критику до того, что происходило в душе вели-
кого поэта. „Лихорадка прощала“, „переход“, „состояние“, „фатистично“
„воплотился в образ“ — все эти слова, которыми так охотно
отшучиваются люди обозначают трудные и чуждые им процессы
как процессы потов и некоторые — есть эти же Брандеса.
Вопрос же, для чего книга не существует. ^{да} Брандеса
по одному этому отрывку можно судить обо всей книге
Брандеса. Мелкие мускулы ^{на} расширяются там, что

На этом мы закончить обзор книги Брандеса. Тестное
 вопроса Шекспирологии, затронутые критиком, как мало инте-
 ресовали. Нам занимало лишь одно: как почитается, современ-
 ной человек Шекспира. И в этом отношении сочинение датского
 писателя особенно любопытно. Путь к нему. Брандес - типичный
 предмет, питаясь всей новейшей культурой и являясь собой
 образцы ~~данти~~, и даже благодарной воспитан и киманой инди-
 вици, кроме той, которая дается сама у него непосредственно
 под руками не искала. Адам объявил, что судьбой человека
 править случай - Брандес принял "случай": Гейне, Мюссе, Байрон,
 Мопассан, Метерлиньк - ужасались "случай" - Брандес, который
 подобно страницам в прозе очень любит, когда кто "короче
 вост" - произносит по поводу этого случая зоркий и ясный
 тирада. Критик, как ~~большинство людей~~, совершенно равно-
 душен к ~~тем~~, о чем он говорит. Он лишь "ужасно
 много читает" и книгу свою составляет из комбинации
 чуждого рода впечатлений, которая он берет из
 других книг. Такого рода способ писания и размышления
 стал почти общим явлением. Над всеми современни-
 ками поэзии тяготит печатное слово, извластив
 которую они не могут и не хотят вырваться. Их
 "не привлекает участь Брута", но тянет в мир
 Рачета, ~~или лучше сказать Вергилия~~, Вернера, 19-го страстного
 сочинителя ученой книги и теории и 19-го бедное "миросозерцание"

[illegible]

Словами разнакопывает о том же душевном процессе, о котором
сам и пишет ^{случайные} те ~~такие~~ представления, какие получаются у каждого
условно, знающего исключительно из книги о каком-нибудь
сложном жизненном явлении. "Туча разсыпалась", "пикорадна
проти-ла", "всплывают в образе мрачных настроений и т.д. Все
эти избитые слова ни Грандесу, ни кому либо другому речни-
тельно ничего не говорят и сказать не могут, ибо они ничего
в себе не заключают. ~~А~~ ^А ~~мелкие~~ ^{такие} они претендуют на
объяснение всего Шекспира, ибо объясняют переход Шекспира к по-
следнему периоду творчества - значит объясняют всего поэта.
Отсюда писатель неустанно мучит ~~работу~~ ^{работу} размышлявший всю жизнь
над глубокими и широкими вопросами - над тем, как ^{создается} ~~оказались~~ ^{возник}
при определенных настроениях, при которых ^{создается} ~~оказались~~ ^{возник}
~~наши~~, ~~потому что~~ ^{наши} ~~его~~ ^{его} ~~песни~~ "Макбет", "Дона", "Отелло", "Буря", "Периклос",
"Форте", "Сезендо" - все эти слова, ~~кажется~~ ^{или} ~~которые~~ ^{такие} ~~такие~~ ^{такие} ~~такие~~ ^{такие}
украшают те "многогранные" критики страницы книги своих сочинений -
есть же в припадении и величайшему из всех поэтов.
Не эти объясняют, необъятная книга человеческих
судеб. Кроме того, эти же словами у Шекспира отпадают
все великое, всемирно историческое значение его, и Грандесу
все ради того, чтобы критики могли писать свои со-
беседники книги.

~~А теперь так, теперь бочка, есть когда бы то ни было
необходимо изучение~~

В то время там никогда еще изучение Шекспира не было так
 глубоко постигаемо, как теперь. Никогда еще потреб-
 ность затронутая в книге судьбы не была так profoundly,
 как в новое время. Мы уже не можем привыкнуть, как
 там, с ~~статной~~ случаями, ведущими человека к безумию,
 страданиям и смерти. ~~Вот те люди, которые~~ Угрюм пауки
 не утешаются нас. Мысль о том, что человек есть только
 „бугорок, голос другого животного“ приводит всех некреп-
 но функционирующих и чувствующих людей к отчаянию и ужасу.
 При Шекспире ~~только с которыми~~ от которых не может
 изгнать нас ^{наиболее} ~~самой~~ тщательной составленной словарь
 „художественных“ слов. Нам необходимо ~~привыкнуть~~
 к жизни, нам необходимо избавиться от страшно-го
 номера, проливающего за столь много обещавших слов
 и призрака и сдаться. Нам ясно, ^{узнает} ~~нам~~ зачем
 зло, зачем преступления, зачем безумие, ^{и кто отдает} ~~зачем~~ чужбана
 отдалить своим ужасам божьим, ~~зачем~~ и ~~то, что~~
 было трюком и так тому, кажда задачей великого
 поэта, ~~кто~~ ^{кто} с нами становится все более и более очевидно,
 что нельзя принять жизнь с ее необходимыми лирами и
 мажорантами, что нельзя при

Кася занимало лишь одно: что считала современная ^{критика} ~~искусство~~
всё „несчастных читать человеческих судеб“. И в этом смысле
книга Брандеса ~~по~~ казалась бы, что именно теперь, в наши
времена, и Шекспир. И она знает, что он считал лишь то,
могли бы, что он всеми силами хлопотал о том, чтобы
подняться под новые идеи. Это задано сейчас к тому,
чтобы приспособить Шекспира к китайцу и к тем новым
литературным течениям, которыми ознаменовался конец
нашего столетия. И вот по новой течения, так же далеки
от датского критика, как и Шекспир. Брандес сводит
книжки Брандеса, как и огромное большинство людей, не
умевших и не желающих видеть во литературе живёт лишь
^{идеями}, которая составляют для него особую, приятную
и светлую мирную жизнь книжками. Если бы Брандесу не было так
трудно на языке, который несомненно, что в Шекспире но Брандес
и для этого он и Шекспира и Китайца называет до того
уровня, ^{выше,} ^{аго} ~~потому что~~ оба эти его. Несомненно, ни один
из писателей не может в такой мере удовлетворять
патологическое запроса человеческого духа, как Шекспир. Все,
также страдания и боли были люди от древней и новых
времен, получили себя про насло себя отклик в произве-
дениях великого английского поэта. И теперь, когда после
целую стоящая изнурительной внутренней борьба, люди

снова установились передь мучительными вопросами, отъ кото-
рыхъ мы спасало увлечение политической и научной деятель-
ностью, теперь, видите, что въ то время ни было прилагаться
къ голосу великаго человека, триса почти тому назадъ
когда общество сознано, ~~тѣмъ такъ не было~~ все сильнѣе и сильнѣе
раздаются голоса, требующіе

Voici (Jully Prudhomme)

.... j'ai touché de présentes victimes;
Où les que soient les vainqueurs, je plains les combattants,
Et je suis moins touché de langes magnanimes
Que de pleurs que je vois et de cris que j'entends.

Давидович Гриво (6/1883-72. Сан-Венсент) Вручи, твоя вода и твоя
Судя по твоему выражению, ты омерзительна, развращена, буднична и
Ладно - давай выслушать.
Барабанчик.

О счастье с мучающейся Москвой

Все счастье богемия

Или во всем это и вернуть

Взвешивая ботинки.

~

Младенец сядет от сердца отчужден,

Не узнаю и сват.

Надежда своих лишений, предельная чуждость,

Душой чужды и т.д.

~

Так и тогда обдумывая орон/ушески

и чуждый мирный свой

Вручи Истину (что не было мучением)

Узреть через себя.

Нравственный формализм т.е. принципиальное следование „доку“ чужае-
 тать, что онъ ведетъ (и обязательно) къ худшему виду лицензорія — лицен-
 зорія передъ самимъ собою. Человѣку необходимо быть всегда правымъ —
 и онъ находитъ возможность оправдывать себя всегда оправданіемъ. Такой че-
 ловѣкъ можетъ и въ са пущейна прикати болѣею жертву, когда ~~такъ~~
 значитъ пущаею демокетризовать передъ собой и оружіемъ свою честность.
 Онъ не можетъ не покартовать пущаею, пока не тѣрпѣна, если чужае-
 но со добродетелью отъ этого не страдаетъ. Нравственный формализмъ
 убиваетъ всякое творчество въ чловѣкѣ.

Говорит закончить обзор книги Бр

На эт. и закончить обзор книги Бриндеса. Важные вопросы
Шекспироведения, которые касались датской критики нас не зани-
мают. Наша задача состояла лишь в том, чтобы выяснить, как
понимать, как должен понимать современную теорию Шекспира.
Разе признаем, случай "ост" закончась для человеческой жизни - поэзия
обязательно должна обратиться в лирику, а критика - в пустую
и праздную болтовню. Но роль поэта оттого только

Учителя оцели существования, влияя на людей ^{братерство} ~~зависит~~ или
добросовестно, и всегда зациклились на одном пути, вали в погоне
и каждого в отдельности: Они делают лишь то, что способны
поддержанию ^{хуже} ~~сохранению~~ ^{хуже} ~~человеческого~~ рода. И главное - не из любви к этому
роду, но просто потому что никто не вник в старое, кривое,
неуловимое, неудобное, есть тот инстинкт, ибо этот инстинкт
представляет из себя сущность нашего рода, (и не где.) Вот
обыкновенно с собой сущностью
и таким образом дискредитировать в глазах общества
и учеников народную школу преступить учителя.

III 1
III 32K
282

ности доказать свою правоту, ~~ногда~~ ^{они и}. Но боязнь
"огласки", которая будет да может подорвать пре-
стиж учителей ~~и~~, ^{ногда} ~~это~~ ^{было} обстояло так, что
по справедливому замечанию защитника слетавод,
пр. тов. Холва, всякий осторожный человек, ^{хотя} случайно
попадая да в замь заступания, счит да ~~об~~ ^{за} учителей
обвиняемый, и слетову-приним да за обвинитель-
ницу. При таких условиях г-ну Байкову конечно,
не следовало да начинать процесса. Но об этом
петербургская газета Ясалътъх написано. Наоборотъ—
можно только радоваться тому обстоятельству,
что виновные учителя — хотя и случайно, предстали
передъ судомъ. Вки не послы никакою уголовном
кара. Но не въ этомъ дело. ~~Можетъ быть~~ ^{они}
дали достаточно наказаны темъ, что передъ лицомъ
многочисленной публики дали перечисленныя погрѣхи,
о которыхъ потомъ газета разнесла вѣсть по всей
Россіи. Если да г. Байковъ ограничился частными вну-
шеніемъ, учителя да вслушались его и затѣмъ продол-
жали да по прежнему свой образъ жизни. Теперь же
они не скоро забудутъ полученный урокъ, который
послужитъ въ наизданіе и другимъ или товари-
щамъ. Петербургская газета боится, что, благодаря
этому процессу, будутъ подорваны престижъ учи-

тсией Красная власяна, напоящаяся жалоба
на горолевскую городничью на литераторов, на
щадящих, гина изваний. Не говорю уже о тех, кто содей-
ствуют, участвуя в народном множестве газет и жи-
вотных и о других талибовских учителей, ничто не уз-
нают и по преданию будут вбавлять жалобами на
своих отечественных наставников, чтобы не лишиться воз-
можности омониторить курс. Но все же процесс гоним Световой
судовой свое дело. Ученики не узнают, что им нельзя
быть, но учителя народных школ всей России узнают,
что им нельзя убраться и, что им ~~обрат~~ педагоги-
ческие приемы подлежат контролю общества, ~~указ~~
~~указ~~ который не всегда совпадает с ориентацией. Конечно,
было бы лучше, если бы учителя постоянно глубоко
сознавали бы святость своих обязанностей перед отча-
вшами или на воспитание детей, что не числится
даже ^{процента} ^{даже} в каноне контроля. Не пока такого сознания ~~быть~~
и не только среди учителей, но и среди других классов
общественных учителей — общественный контроль
является единственным способом обуздания людей.
Пусть все, ~~вплоть~~ кто призван к какой либо
важной ~~ро~~ роли, знают, что за ними следят, что
от них спросят ответа за их поступки, тогда
возможность того позора, который выпал на долю

по зайкигавшим

безмерно распорядившимся в своих классах там
Товских учителей, сдержит и наиболее развязных
людей. Общественное мнение великая воспитатель-
ная сила. Оно одно может сформировать для России
талантливых учителей для блага государства, которое
и так нуждается для ее дальнейшей разви-
тия. И больше всего в ее правильной постановке
высказывается школьное дело, от судьбы которого в зна-
чительной степени, зависит ^{будущность} ~~судьба~~ ^{всего} России. По-
этому общество имеет право и обязанность
сильным и законным образом провратить ход
выплат в народной школе. Недавно это превосходно
сформулировал недавно праздновавший юбилей своей
учительности учитель г-н Абрамов. Когда кто-либо
спрашивает у него разрешения посетить его школу
в время занятий он отвечает: „это — ваше право.“
У. Больше всего поражает нас то, что фран-
ки-поразительно! В то время как большая пе-
тербургская газета встревожилась процессом ~~такой~~
^{г-на Ситовой} ~~Товских учителей~~ и рисуют себе всемогущие страхи
по поводу воображаемого подрыва престижа учите-
лей в глазах учеников, совсем обратное ма-
жистерство среди самих учителей, которые, конечно,
должны быть да больше всего бояться потерять

[illegible]

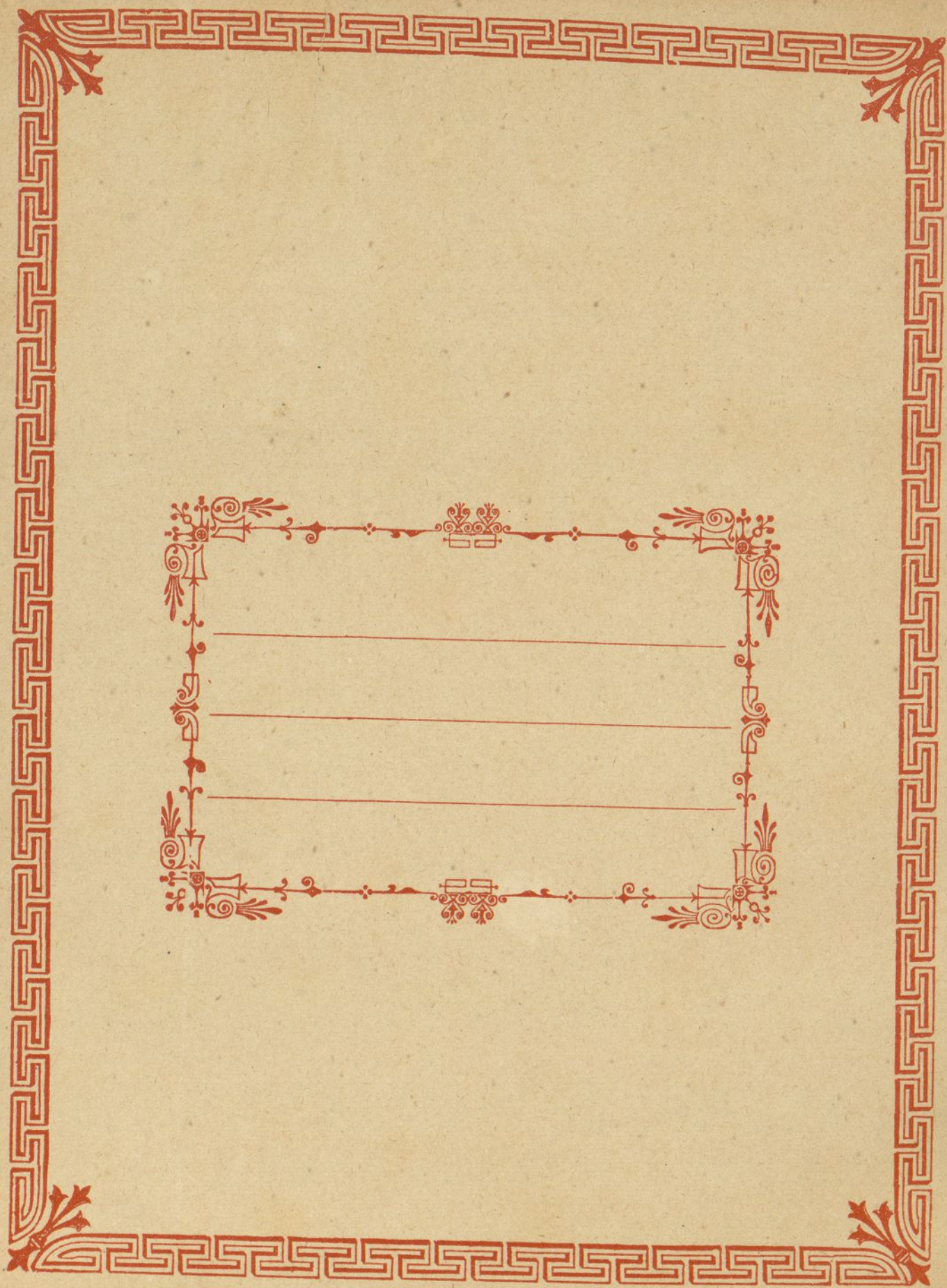
терпели, а черкас - бжеант. В этих словах ~~кого~~
отношения оптимизма, Нвтаров, может быть
в данной ситуации является крошечной 1-ой
Световой. На самом деле очень часто бжеант изоб-
ражается черкас. Правда не говорит сама
себе, а требует, чтобы за не говорити люди -
и эти как через люди подтверждается процессом
самой 1-ой Световой. В 1926 еще до того времени,
пока она была в своей собственной искомой слов
в порядке 1-ой и более или менее, все эти процессы
практически, которые были введены свирепыми на суд,
существовали. И тогда не была бы книга, не гово-
рили 1-го того пер, ника не возмещали ^{замет} (своего го-
лова люди. Даже наоборот, ^{даль} когда процесс начался,
когда собрались свирепости, тогда ^{важностью} "установили
правду", суды когда признали из Петербурга пра-
вильности обвинений, Кочев, тогда возмещали "правду",
когда были суды, тогда установили "правду",
даже еще тогда обвинители продолжали
утверждать, что тогда Светова повинна в уби-
тельстве Кавенга. Ввиду, что было именно
в "энергии" защиты, а не в оптимизме
встр, что, бжеант не может считать черкас. Это
именно в том, чтобы люди искали, добавили

Задача моя — мне всего сводится к попу-
ляризации идей Кнута. Наоборот даётся — если бы
отъ меня зависело, я считалъ бы все, что бы
по возможности ограничить кругъ влияния кнута
и того столь знаменитая и не некая философия.
И да съ этимъ, я думаю, согласится всякий,
ознакомившийся въ подробности съ сочинениями
Кнута.

359.

Милые братья покажи намъ твой огнь въ ижд
зеркало: и ~~и~~ мы увидимъ, что у тебя наша гордость
и насильственная чинота; отътого мы и боялись тебя,
внѣ и крѣпко убажили въ великомъ испугѣ, безпокойствѣ,
неудачѣ (385)

FRANCE

86 DÉPARTEMENTS.

Echelle en Kilomètres

Légende

- Frontières
- Limites de Département
- Chefs lieux de Départ.
- Chefs lieux d'arrondissement.

ENVIRONS DE PARIS.

Gravé par A. Martin

HERMENT à PARIS

